

На рубеже XIX – XX веков обострилось соперничество великих держав в борьбе за влияние на Афганистан и политику его правящих кругов. Афганская территория разделяла азиатские владения Англии и России, а потому и Лондон, и Петербург с одинаковым упорством стремились укрепить здесь свои позиции. Британское правительство, стремясь избежать возможного столкновения с Россией непосредственно на границах Индии, всеми силами пыталось удержать афганское государство в зависимости от Великобритании, превратить его территорию в сферу исключительно английских интересов. Прямыми вызовом Великобритании явились весьма настойчивые попытки России добиться восстановления прямых отношений с кабульским правительством. Фаза острого внешнеполитического противоборства великих держав в Афганистане была пройдена в 1907 г. Россия и Великобритания приступили к поиску компромиссного решения афганской проблемы. Уже через несколько лет позиции политических кругов Лондона и Петербурга определялись мыслью о необходимости раздела афганского государства на сферы влияния, а события Первой мировой войны привели обе стороны к осознанию неизбежности лишения Кабула последних остатков самостоятельности.

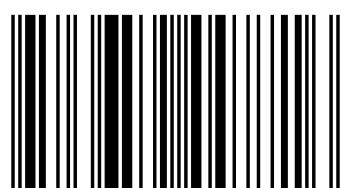
Афганистан

Константин Симонов

Константин Симонов

Симонов Константин Викторович - кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Воронежского государственного института физической культуры. Специалист по истории международных отношений и внешней политики России конца XIX - начала XX вв.

978-3-659-44771-6

Симонов

Афганистан: военно-дипломатическое противостояние начала XX века

Политика великих держав

LAP
LAMBERT
Academic Publishing

Константин Симонов

**Афганистан: военно-дипломатическое противостояние начала
XX века**

Константин Симонов

**Афганистан: военно-
дипломатическое противостояние
начала XX века**

Политика великих держав

LAP LAMBERT Academic Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брэндах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

LAP LAMBERT Academic Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / электронная почта: info@lap-publishing.com

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-659-44771-6

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2013 AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1.	
Афганский вопрос на российско-британских переговорах о разделе сфер влияния в Азии (1905-1907 гг.).....	5
Глава 2.	
Афганистан во внешней политике России (1907-1914 гг.).....	33
Глава 3.	
Англо-русские разногласия по афганскому вопросу и проникновение германо-турецких агентов в Афганистан (1914-1915 гг.).....	43
Глава 4.	
Германская миссия в Афганистане в годы Первой мировой войны.....	57
Глава 5.	
Великие державы и проблема политической самостоятельности Афганистана в 1916-1918 гг.	74
Заключение.....	89
Примечания.....	92

Введение

На рубеже XIX – XX веков обострилось соперничество великих держав – России и Великобритании, в борьбе за влияние на Афганистан и политику его правящих кругов. Афганская территория разделяла азиатские владения Англии и России, а потому и Лондон, и Петербург с одинаковым упорством стремились укрепить здесь свои позиции.

Британское правительство, стремясь избежать возможного столкновения с Россией непосредственно на границах Индии, всеми силами пыталось удержать афганское государство в зависимости от Великобритании, превратить его территорию в сферу исключительно английских интересов. В основу англо-афганских отношений в рассматриваемый период был положен Гандамакский договор 1879 г., а также персональные соглашения с эмиром Абдурахман-ханом 1880 и 1883 гг., согласно которым все вопросы, касавшиеся внешней политики Кабула, как-то: демаркация границ, торговая и пограничная политика, контакты с иностранными государствами, решались при посредничестве британских колониальных властей в Индии.

Прямыми вызовом Великобритании явились весьма настойчивые попытки России добиться восстановления прямых отношений с кабульским правительством, которые были прерваны в 1880 г. под нападком англичан. К началу XX века царские власти, остро заинтересованные в развитии экономических связей с афганским государством, были готовы активно поощрять непосредственные контакты пограничных чиновников и офицеров. Кроме того, Афганистан представлял особую значимость для России с военно-политической и стратегической точки зрения. Это был наиболее уязвимый участок всей системы обороны Индии. Только со стороны Афганистана Россия могла создавать угрозу «жемчужине британской короны». И хотя в рассматриваемый период ни в военных, ни в дипломатических кругах России афганская территория всерьез не рассматривалась в качестве объекта масштабной вооруженной экспансии, царские военные и дипломаты

справедливо полагали, что укрепление российских позиций в Афганистане, заставит Великобританию быть более уступчивой к требованиям России по другим вопросам международной политики, либо, как минимум, позволит нормализовать отношения на границе.

Пересмотр отношений с Афганистаном, кроме того, давал возможность России не отставать от Великобритании в плане обеспечения контроля за ситуацией во всем средневосточном регионе, что явилось бы дополнительной гарантией безопасности южных рубежей Российской империи.

Фаза острого внешнеполитического противоборства великих держав в Афганистане была пройдена в 1905 - 1907 гг. Россия и Великобритания приступили к поиску компромиссного решения афганской проблемы. Уже через несколько лет позиции политических кругов Лондона и Петербурга определялись мыслью о необходимости раздела афганского государства на сферы влияния, а события Первой мировой войны привели обе стороны к осознанию неизбежности лишения Кабула последних остатков самостоятельности.

В настоящей работе предпринята попытка на основе широкого круга источников – архивных и опубликованных документов, воспоминаний участников событий и исторической литературы, раскрыть содержание, характер и направленность политики великих держав в отношении Афганистана в 1905-1918 гг.

Глава 1.

Афганский вопрос на российско-британских переговорах о разделе сфер влияния в Азии (1905-1907 гг.)

К концу 1905 г. после длительного периода соперничества, взаимной подозрительности и откровенно враждебных действий отношения России и Великобритании приобрели новую динамику. Изменившаяся международная обстановка потребовала начать поиск путей для разрешения противоречий, которые несколько десятилетий способствовали развитию англо-русского конфликта. Средний Восток был регионом, где концентрировалась основная масса этих противоречий, где наиболее остро сталкивались интересы обеих держав. Вместе с персидской и тибетской, решение проблемы Афганистана должно было способствовать снятию этих противоречий и прекращению конфликта.

Дипломатические контакты 1902-1905 гг. между Лондоном и Петербургом выявили принципиальное нежелание царского правительства ограничивать свои действия здесь какими-либо официальными обязательствами. В феврале 1905 г. министр иностранных дел России В.Н. Ламздорф отказался признать британский контроль над внешней политикой Афганистана, тогда как Г. Ленсдаун, глава Форин офиса, рассчитывал заручиться поддержкой и пониманием российской стороны именно в этом вопросе. Лишь после поражения в войне с Японией и подписания Портсмутского мирного договора (23 августа 1905 г.) Россия начала поиск новых ориентиров в своей внешней политике.

К этому времени международная обстановка и внутриполитическая ситуация как в самой России, так и в Великобритании сделали по сути дела неизбежным заключение союза между двумя давними противниками. На авансцену истории вышла новая сила в лице Германии. Ее стремительные шаги в экономическом развитии и намерение бороться за передел уже поделенного

мира серьезно обеспокоили старые колониальные державы. Германские политические и деловые круги стремились повсюду создать плацдармы, с которых можно было бы угрожать позициям Великобритании и России. Особенно активную деятельность они развернули на Ближнем и Среднем Востоке.

В 1902 г. Германия добилась от Турции права сооружения железной дороги, которая связала бы Багдад с железнодорожной сетью Анатолии, уже находившейся под немецким контролем. В дальнейшем кайзеровское правительство предполагало продолжить эту линию на юг с выходом к Персидскому заливу в районе Кувейта. Росло германское влияние и в Персии. Давние противоречия между Англией и Россией в этом регионе были "более всего на руку германским империалистам" [1]. Не имея возможности пока прибегать к прямым территориальным захватам, применению силы или угрозы силой, они широко использовали косвенные приемы и методы проникновения - политические, экономические, культурные и идеологические. Именно на эту особенность политики Берлина на Востоке обратил в свое время внимание Л.Г. Истягин, известный советский специалист по проблеме русско-германских и англо-германских отношений конца XIX - начала XX в. "Ориентация германской политики на разжигание панисламистской агитации, на эксплуатацию в своих интересах антиимпериалистических настроений, принимавших религиозные формы, проглядывает...достаточно точно", - отмечал он [2].

С начала XX в. Германия стала серьезным соперником Великобритании и на море. Набиравший силу немецкий военно-морской флот выходил на океанские просторы, угрожая английской морской гегемонии. Учитывая все эти факты, стоит согласиться с мнением А.Ф. Остальцевой, автором ряда работ об истории соперничества великих держав на Востоке. По ее утверждению "англо-германские противоречия стали доминирующими как в силу изменения баланса сил на международной арене, так и в силу их собственной логики развития" [3]. В данных обстоятельствах стремление Великобритании к союзу с Россией

представляется совершенно закономерным и понятным: Лондон мирился с второстепенным противником ради борьбы с главным. Что же касается русских правящих кругов, то у них мотивы к заключению соглашения с Англией были совершенно иными. В рассматриваемое время российско-германские противоречия еще носили второстепенный характер и, следовательно, не могли стать главной причиной согласия царского правительства на подписание договора с Англией [4]. В качестве таковой следует считать ту политическую обстановку, которая к концу 1905 г. сложилась внутри России и за ее пределами.

Поражение в войне с Японией серьезно ослабило позиции царизма на мировой арене. Это, а также революционное движение в стране, заставило царские власти отказаться, в силу практической невозможности, от проведения прежней экспансионистской политики на Среднем Востоке. По словам тогдашнего министра финансов В.Н. Коковцова правительству следовало теперь "точно определить, что ей [России - К.С.] доступно и, строго ограничиваясь этим, отказаться от всего, что выходит за эти пределы" [5]. Того же мнения придерживался А.П. Извольский, возглавивший МИД России в апреле 1906 г., и многие высокопоставленные сотрудники этого министерства, отвечавшие за центрально-азиатское направление российской внешней политики (А.А. Нератов, Н.Г. Гартвиг, В.О. фон Клемм и др.).

Не стоит забывать и о том, что Петербург и Лондон в определенном смысле уже стояли на пути к примирению. Еще в 1894 г. вступил в силу русско-французский договор о союзе. Спустя 10 лет, в 1904 г., аналогичное соглашение с Францией заключило и английское правительство. По мнению британского историка Дж. Тревельяна, "это стало важным шагом на пути к подписанию англо-русского договора 1907 г., потому что Великобритания не могла быть другом Франции, оставаясь врагом ее союзницы России" [6]. В данном контексте совершенно справедливыми представляются слова Э. Грея, британского министра иностранных дел в 1905-1916 гг., о том, что "соглашение с Россией стало естественным дополнением к соглашению с Францией" [7].

Таким образом, царское правительство крайне нуждалось в урегулировании отношений с Великобританией. После поражения на Дальнем Востоке Россия оказалась в ситуации, когда любой ее шаг навстречу политике Лондона представлялся особенно важным для сохранения столь необходимого ей мира. Русские власти стремились укрепить свои позиции хотя бы на части тех азиатских территорий, за влияние в которых они вели столь длительную и бескомпромиссную борьбу. России была необходима гарантия безопасности ее южных рубежей и мирное развитие отношений со всеми соседями.

Британские правящие круги также демонстрировали желание достичь соглашения с Россией. Примечательно, что это наблюдалось в тот момент, когда царизм был по сути дела бессилен отстоять свои колониальные притязания, и Англия без особых проблем могла бы реализовать свои давние планы, не обращая внимания на возможные протесты правительства Николая II. Лишь острота англо-германских противоречий заставила Лондон искать союзника в лице России. Теперь, когда интересы обеих сторон совпадали, им оставалось лишь прийти к взаимопониманию по разделявшим их до той поры среднеазиатским делам.

Новый импульс англо-русским переговорам был дан в октябре 1905 г., когда российский посол в Лондоне А.К. Бенкендорф, беседуя с Г. Ленсдауном, заявил о возможности выработать единую позицию по ситуации в Персии. В ходе последующих встреч он выразил желание "достичь дружеского взаимопонимания в отношении Афганистана, Персии и Ближнего Востока при условии, что необходимые для этого шаги не будут направлены против Германии" [8]. Видимо, позиция Лондона давала все основания надеяться на это, ибо в скором времени А.К. Бенкендорф передал Э. Грею личное послание В.Н. Ламздорфа, в котором высказывалось удовлетворение по поводу стремления Великобритании к единству действий с Россией [9].

Со временем изменился тон русской и британской прессы. 1 апреля 1906 г. петербургская газета "Новое время", известная до этого своей антианглийской позицией, заявила, что сближение двух держав является естественным

процессом. Союз с Великобританией характеризовался ею как "возврат к сердечным отношениям, которые существовали до эры Пальмерстона и Биконсфильда" [10]. Тогда же в "Таймс" появились статьи с призывом к "взаимопониманию с Россией". На ее страницах не раз высказывалось мнение, что "напряженные отношения между Россией и Англией в Азии... на руку только Германии" [11].

В мае дипломатические консультации между Лондоном и Петербургом продолжились, однако вплоть до января 1907 г. стороны ограничивались обсуждением лишь второстепенных вопросов и не касались деталей предполагаемого соглашения. За кулисами переговоров работали эксперты, тщательно продумывая содержание предложений и возможные аргументы в защиту позиции собственного правительства, просчитывали шаги противника, стремясь предугадать его планы и действия. Словом, велась тонкая дипломатическая игра, в которой совершенно не допускались конкретные слова, четкие понятия и внятные заявления, напротив, до определенного момента стороны обходились лишь туманными фразами, полунаемками и предположениями.

В начале января 1907 г. лондонские власти, наконец, высказали свое мнение по Тибету и Персии, но медлили с аналогичным заявлением по Афганистану. А. Никольсон, английский посол в Петербурге, в письме Э. Грею 30 января 1907 г. рекомендовал прежде получить от российского правительства проект соглашения по персидским делам, и глава Форин офиса согласился с ним [12].

Однако царские власти тоже не хотели преждевременно "раскрывать карты", рассчитывая вовлечь британских дипломатов в обсуждение всех проблем одновременно, а не делить переговоры на отдельные этапы, занимаясь исключительно Афганистаном, Персией или Тибетом. 17 февраля А.К. Бенкендорф попросил А. Никольсона ознакомить российскую сторону с точкой зрения британского кабинета относительно афганской части конвенции, объяснив это ее тесной связью с уже обсуждаемым соглашением по Персии, но

английский посол дал понять, что не готов к этому [13]. Спустя два дня, он встретился с А.П. Извольским и указал, что "до тех пор, пока ему не будут представлены русские предложения касательно Персии, он не сможет раскрыть подходы к решению афганского вопроса" [14]. Вместе с тем, чувствуя, видимо, что откладывать рассмотрение проблемы Афганистана далее нет смысла, посол обратился к Э. Грею за разрешением "сообщить министру иностранных дел [России - К.С.], что мы [английская сторона - К.С.] будем рекомендовать эмиру позволить переписку между русскими и афганскими пограничными чиновниками по местным неполитическим вопросам" [15].

Обращение А. Никольсона заставило британского министра иностранных дел провести ряд консультаций с Дж. Морли, министром по делам Индии. Вскоре они выработали единую точку зрения, которая была доведена до сведения посла в Петербурге. "Выяснение позиции России в отношении Персии" оставалось ближайшей задачей для А. Никольсона, одновременно с этим от него требовалось не проявлять никаких инициатив в решении афганского вопроса, прежде чем станут ясны предложения России "относительно прямых русско-афганских отношений". По настоянию Дж. Морли обращение к эмиру, о котором писал А. Никольсон, было отложено опять-таки до момента получения конкретных данных о намерениях царского кабинета [16].

23 февраля 1907 г., следуя полученным указаниям, британский посол сообщил А.П. Извольскому о "готовности правительства Его величества обсуждать афганский вопрос" и передал главе российской дипломатии перечень условий, которые ему следовало учесть при разработке ответных предложений [17]. Информацию на этот счет А. Никольсон получил от Э. Грея еще в январе и лишь теперь, спустя месяц, пустил в ход, желая сдвинуть переговоры по Афганистану с мертвой точки. Содержание документа сводилось к следующему:

1. Россия признает Афганистан находящимся вне сферы своего влияния и под британским контролем по всем вопросам внешней политики.

2. Английское правительство не возражает против установления прямых контактов по местным вопросам неполитического характера между русскими и специально назначенными для этого афганскими чиновниками.

3. Российские власти воздерживаются от направления агентов в Афганистан.

4. Они прекращают выдачу премий в виде субсидий своей торговле в этой стране.

5. Английские власти не препятствуют распространению на русских торговцев тех же льгот, которыми уже пользуются во владениях эмира британские и англо-индийские купцы [18].

А.П. Извольский обещал А. Никольсону представить свой вариант соглашения по Афганистану, изучив позицию всех заинтересованных российских ведомств.

За этим последовало несколько встреч дипломатов и военных обеих сторон. Обмен мнениями по афганской проблематике продолжился. Вносились дополнительные предложения, излагались новые подходы, шел поиск приемлемых решений. В ряде случаев собеседники высказывались предельно откровенно, находя точки соприкосновения своих позиций, и все же никто не забывал об интересах собственной страны. И англичане, и русские добивались внесения в текст будущего договора условий, которые бы в максимальной степени способствовали закреплению их политических и экономических преимуществ в Афганистане. Но если для Великобритании проблема состояла лишь в том, чтобы убедить царские власти признать те права и привилегии, которыми она уже обладала здесь, то российской стороне требовалось добиться принятия, по крайней мере, тех предложений, которые отстаивались ею на переговорах с Лондоном в 1901-1905 гг.

20 марта А.П. Извольский встретился с А. Никольсоном, чтобы информировать британского посла о ходе подготовки проекта афганской конвенции. Он заявил, что «специальный комитет», в который вошли высшие правительственные чиновники, внимательно изучает соображения английского правительства и, как стало ему известно, готов внести предложение о направлении в Афганистан русских коммерческих агентов, а также потребовать гарантий того, что офицеры англо-индийской армии не будут заниматься боевой подготовкой войск эмира. По словам министра иностранных дел, эти и ряд других вопросов отражают обеспокоенность российского кабинета перспективой "трансформации Афганистана из "буферного государства" в авангард индийской империи" [19]. А. Никольсон попытался рассеять опасения А.П. Извольского, утверждая, что Англия тоже не имеет своих агентов во владениях эмира, и в итоге беседа свелась не к обсуждению русского тезиса об Афганистане как "буферном государстве", а лишь к очередным напоминаниям британского посла о том, что эта страна лежит вне сферы влияния России.

31 марта состоялась беседа А. Никольсона с С.А. Поклевским, советником российского посольства в Лондоне и членом Особого совещания по заключению договора с Англией. Почти предельная откровенность позволила им достичь полного взаимопонимания и прийти к единому мнению по вопросам, которые до этого вызвали у британского дипломата оживленную дискуссию с А.П. Извольским. В частности, С.А. Поклевский дал понять, что предложение о посыпке коммерческих агентов в Афганистан, возможно, не будет упоминаться в готовящемся проекте соглашения. Английский посол, в свою очередь, убедил его, что "хорошо организованная и оснащенная армия эмира окажется для Индии даже большей угрозой, чем для России", а потому британские офицеры не станут заниматься повышением ее боеготовности. Более того, А. Никольсон заявил, что его правительство отказывается от строительства железных дорог в Афганистане. Обсудили дипломаты и возможные формулировки отдельных положений будущего договора. По мнению С.А. Поклевского, в преамбуле или в одной из статей следовало точно

указать, что Россия и Великобритания обязуются не проводить в Афганистане политику, угрожающую безопасности соответственно индийской и русской границ и не строить агрессивных планов в отношении друг друга. Однако его собеседник предложил лишь ограничиться обязательством "не аннексировать какую-либо часть афганской территории" [20]. Дальнейшее же обсуждение поставленной проблемы, по словам А. Никольсона, следовало вести, сообразуясь с мнением министра иностранных дел Великобритании, высказанным по данному поводу еще в феврале 1905 г.

27 апреля 1907 г. военный атташе британского посольства в Петербурге подполковник Г. Нэпир беседовал с начальником Генерального штаба русской армии генерал-лейтенантом Ф.Ф. Палицыным и помощником военного министра генерал-лейтенантом А.А. Поливановым. На встречах обсуждался широкий спектр вопросов, касающихся Афганистана. Начальник Генштаба настаивал на необходимости установления между Россией и этим государством нормальных торговых отношений и убедил английского дипломата в том, что британское правительство может при желании способствовать этому. Как представители армейских структур, Г. Нэпир и Ф.Ф. Палицын уделили пристальное внимание военной стороне афганского вопроса. Ни тот, ни другой не скрывали, что владения эмира Хабибуллы-хана могут использоваться как Россией против Великобритании, так и Великобританией против России, но, по мнению обоих, в сложившейся ситуации и Петербург, и Лондон заинтересованы "в сохранении Афганистана как "буферного государства" и готовы договориться об отказе использовать его "в целях разжигания враждебных действий друг против друга" [21]. Аналогичные проблемы затрагивались и на встрече Г. Непира с А.А. Поливановым, но в целом их беседа носила более официальный характер и свелась к выражению взаимного удовлетворения в связи с налаживанием дружеских отношений между двумя странами.

Контакты с высокопоставленными российскими генералами позволили британскому военному атташе составить предельно четкое представление о

позиции царского правительства в афганском вопросе. Он уяснил, какого рода отношения с Афганистаном устроили бы Петербург. С другой стороны, и российским властям было крайне интересно ознакомиться с взглядами английского военного дипломата и получить определенную информацию о намерениях лондонского кабинета.

В целом встречи представителей военных и дипломатических кругов России и Великобритании позволили им значительно прояснить позиции друг друга по самым острым и конфликтным проблемам, связанным с Афганистаном. Теперь они были готовы точно, со знанием дела предлагать конкретные решения, разрабатывать проекты и формулировать статьи будущего соглашения.

14/27 апреля 1907 г. в Петербурге Особое совещание по афганскому вопросу рассмотрело предложения британского кабинета, переданные А. Никольсоном А.П. Извольскому 23 февраля. Тон обсуждению задал министр иностранных дел, который, открывая заседание, заявил: "Общее положение дел, создавшееся вследствие войны и... внутренней смуты, заставляет нас отказаться от замыслов, недостаточно согласованных с действительными потребностями страны и вступить на путь охраны лишь своих насущных интересов" [22]. А.П. Извольского поддержал В.Н. Коковцов. "Важность соглашения с Англией так велика, что для достижения его можно было бы даже... поступиться стратегическими соображениями, которые... связаны с афганским вопросом", - указал он [23].

Обозначив принципиальные позиции, собравшиеся приступили к детальному анализу каждого пункта британских предложений. Пункты 2-й и 5-й были приняты без каких-либо оговорок. Расхождения во мнениях выявились, прежде всего, по 1-му пункту, в котором оговаривалось а) признание Афганистана лежащим вне сферы российского влияния и б) английский контроль над его внешней политикой. С первым положением согласились все участники совещания, но второе было ими отклонено. Наиболее решительно против его принятия высказался В.Н. Коковцов, указавший, что "признание...

права контроля Англии над международными сношениями Афганистана" равносильно "признанию английского протектората над этой страной". Поэтому он предложил "вместо текста второй части первого пункта английских предложений... указать лишь, что Россия отказывается от непосредственных политических сношений с главою Афганистана" [24].

А.П. Извольский в этом вопросе поддержал министра финансов, добавив, что, по его мнению, от британской стороны следует потребовать гарантий: "1) что она не будет присоединять афганскую территорию, не будет занимать отдельные ее части и воздержится от всякого вмешательства во внутренние дела страны и 2) что она не предпримет в Афганистане никаких действий, направленных против России" [25].

Пункт 3-й английских предложений, где оговаривался отказ царского правительства от посылки агентов в Афганистан, также не был принят в первоначальной редакции. Участники совещания высказались за внесение в его текст целого ряда поправок. Так, министр торговли и промышленности Д.А. Философов указал на необходимость добиться подобного же обязательства и от Англии, а начальник Генерального штаба предложил уточнить, что, "отказываясь ныне от посылки торговых агентов в Афганистан", Россия оставляет за собой право "впоследствии... возбудить этот вопрос" [26]. С точки зрения министра финансов, 3-й пункт следовало редактировать, конкретно указав на то, что русское правительство в случае возникновения необходимости направить коммерческого агента в Афганистан предварительно обсудит этот вопрос с британской стороной.

Предложения Ф.Ф. Палицына и В.Н. Коковцова были признаны наиболее отвечающими целям российской политики и участники совещания высказались за желательность найти такую формулировку пункта 3-го, которая, учитывая мнение Лондона, оставляла бы за Россией право впоследствии вновь вернуться к обсуждению этого вопроса [27].

Многочисленные протесты вызвал и 4-й пункт английских предложений с требованием отказа царского правительства от премированния русского

экспорта в Афганистан. Самые решительные возражения по этому поводу высказал министр торговли и промышленности. Он заявил, что никаких специальных премий на вывоз в афганские владения не существует и англичане, видимо, имели в виду особую процедуру, предусматривающую возврат российскими таможенными органами сборов на отдельные виды товаров, а именно: пошлины на хлопчатобумажные изделия и акцизов на сахар и керосин. Однако эта мера, указал Д.А. Философов, "распространена на всем протяжении границ Империи", а не только на ее афганском участке, а потому "требование Великобритании несправедливо" и правительству едва ли следует идти ей на уступки в этом вопросе [28]. Точку зрения министра торговли и промышленности разделял и А.П. Извольский [29].

Решения, выработанные на совещании, легли в основу российского проекта конвенции, который 15 мая был направлен А. Никольсону. Царское правительство признавало Афганистан лежащим вне сферы своего влияния, обязывалось "все политические отношения" с ним вести "при посредстве правительства Его величества" и не посыпать торговых агентов в эту страну. Оба участника соглашения должны были уважать суверенитет эмира, не вмешиваться во внутренние дела его территории и не пытаться аннексировать какую-либо их часть. Российская сторона обязывалась не предпринимать мер, угрожающих афганской границе, а британская - использовать свое влияние в Афганистане только в дружественном в отношении России духе. В проекте также говорилось об установлении прямых контактов между властями пограничных провинций России и Афганистана по местным неполитическим вопросам. Статья, посвященная русско-афганской торговле, была целиком выдержана в духе решений Особого совещания 14/27 апреля [30].

Э. Грей, получив проект конвенции, направил его для изучения лицам, ответственным за проведение афганской политики Великобритании. Лишь изучив их мнение, английский МИД мог подготовить целыйный контрпроект. Однако здесь лондонские власти натолкнулись на стойкое сопротивление колониальной администрации Индии. Вице-король Э. Минто и его окружение

вообще выступили против подписания договора с Россией, опасаясь, что "соглашение... приведет к падению британского влияния в Афганистане" [31]. Секретарь Комитета имперской обороны Дж. Кларк, комментируя предложения Петербурга, указал, что "Россия желает обладать в Афганистане теми же позициями, что и Великобритания" и призвал кабинет прекратить переговоры [32]. Главнокомандующий англо-индийской армией Г. Китченер придерживался мнения, что заключение союза с Россией нарушит основы англо-афганских отношений, и рекомендовал Лондону отложить на неопределенный срок подписание конвенции [33].

Несмотря на разногласия, возникшие с властями в Калькутте, Э. Грей, Дж. Морли и другие министры-либералы были настроены твердо следовать намеченным курсом, и выступали за скорейшее заключение соглашения с Россией по Персии, Афганистану и Тибету [34].

Ряд ценных предложений к обсуждавшемуся проекту афганской конвенции внес Ч. Гардинг, бывший британский посол в Петербурге, а теперь – постоянный помощник министра иностранных дел. 7 июня он направил Э. Грею докладную записку, в которой подробно изложил свое видение условий англо-российского договора. В частности, он обратил внимание на недостаточную, по его мнению, точность формулировок в проекте А.П. Извольского, раскрывавших содержание политики обеих сторон на границах Афганистана. Ч. Гардинг советовал исключить из текста, предложенного Петербургом, фразы, где шла речь об обязательстве России "не предпринимать мер, которые могли бы рассматриваться угрожающими афганской границе", и о запрете Великобритании "подталкивать Афганистан к принятию любого рода мер, угрожающих России", поскольку их трудно интерпретировать.

Для большей убедительности он сформулировал перед Э. Греем такие вопросы: "Если афганцы решат начать строительство новых укреплений близ русской границы, должно ли английское правительство помешать этому? И следует ли, к примеру, прокладку российской железной дороги в Термез и усиление гарнизона в Ташкенте рассматривать в качестве мер, угрожающих

афганской границе?". "Каков тот предел, после которого действия одной из сторон можно рассматривать угрожающими интересам другой?", - спрашивал Ч. Гардинг [35].

Он также поддержал предложение А. Никольсона внести в текст контрпроекта дополнительное условие о том, что прямые контакты между русскими и афганскими властями станут осуществляться только с согласия эмира, а склонить его к этому должно британское правительство. Высказанная идея была без колебаний одобрена Э. Греем, ибо в этом случае Россия лишилась права самостоятельно добиваться поставленной цели (в договоре появилось бы условие об обязательном британском участии в формировании адекватной позиции Кабула). Кроме того, реализация планов Ч. Гарднинга и А. Никольсона позволяла английскому кабинету и далее активно влиять на формирование внешнеполитического курса Афганистана.

У самого британского министра иностранных дел возражения вызвала ст. 1 российского проекта соглашения, в которой Афганистан назывался "буферным государством". По мысли Э. Грея, следовало полностью отказаться от данной характеристики и исключить названную статью из договора. На случай, если царские дипломаты решили бы настоять на своем, он готов был предложить компромиссный вариант: в преамбуле конвенции упомянуть о "географическом положении" Афганистана как "стране, лежащей между британской и российской территориями" [36].

К началу июня рекомендации и соображения по проекту А.П. Извольского были полностью изучены в МИД Великобритании. Итогом этого стала разработка контрпроекта на предложения Петербурга. В российский документ был внесен ряд существенных изменений. Не осталось никакого упоминания об Афганистане как "буфере" между азиатскими владениями Англии и России. Статья 1 гласила, что царское правительство признает Афганистан лежащим вне сферы своего влияния и все политические отношения с ним станут вести "при посредстве правительства Его величества".

В статье 2 речь шла об основах британской и российской политики в Афганистане. Английская сторона обязывалась: а) не аннексировать какую-либо часть Афганистана и не вмешиваться в его внутреннее управление (последнее словосочетание Э. Грей счел более подходящим, чем фраза "внутренние дела" из русского проекта), если эмир останется верен соглашениям, подписанным с британским правительством; б) использовать свое влияние в Афганистане в миролюбивом духе в отношении России и не поощрять его к принятию каких-либо мер, угрожающих российской границе.

Заключительная часть 2-й статьи английского контрпроекта касалась обязательств царского правительства, которому также предписывалось не аннексировать никакой части Афганистана, не вмешиваться в его внутреннее управление и не предпринимать шагов, угрожающих его границе.

Статья 3 лишала Россию права направлять торговых агентов в Афганистан, однако с оговоркой, что "в будущем, если развитие коммерческих связей укажет на полезность этого, оба правительства придут к нужному соглашению".

Установление прямых отношений между русскими и афганскими пограничными властями по местным вопросам неполитического характера, "с согласия эмира, которого попытается добиться правительство Его величества", было зафиксировано в 4-й статье английского проекта конвенции.

5-я, заключительная, статья содержала обязательство британской стороны использовать все свое влияние на эмира с целью обеспечения действия в Афганистане принципа "открытых дверей и равных коммерческих возможностей" для России и Афганистана [37].

17 июня А. Никольсон вручил текст контрпроекта А.П. Извольскому и в ходе личной беседы с российским министром детально разъяснил позицию лондонского кабинета [38]. Он указал, что термин "буферное государство" может быть использован лишь в разговорной речи, но никак не в межправительственном соглашении, поскольку в этом случае станут возможны различные его интерпретации. Именно желая избежать двусмысленного

толкования данного понятия, английские власти и исключили из российского проекта всякое упоминание об Афганистане как о "буферном государстве", - объяснил посол. Далее, коснувшись обязательства двух стран не вмешиваться во внутренние афганские дела, А. Никольсон выступил в защиту тех условий их соблюдения со стороны Англии, которые специально оговаривались в предложенном контрпроекте. По его словам, "слишком общая формулировка статьи, заставляющей Великобританию отказаться от вмешательства в дела Афганистана... приведет [эмира - К.С.] к мысли, что мы ни при каких обстоятельствах не предпримем мер для обеспечения соблюдения им условий договора [1905 г. - К.С.]" [39]. Не менее настойчиво английский дипломат убеждал А.П. Извольского и в необходимости заручиться согласием Хабибуллы-хана с условиями 4-й и 5-й статей британского проекта конвенции. "Мы не можем связать эмира какими-либо обязательствами без его согласия и потому вынуждены сделать соответствующую оговорку", - указал А. Никольсон [40].

С предложенными Лондоном условиями министр иностранных дел ознакомил ряд членов кабинета, начальника Генштаба и туркестанского генерал-губернатора. В течение последующих двух недель афганский вопрос стоял в центре их внимания, но основные дискуссии А.П. Извольский вел с Д.А. Философовым и Ф.Ф. Палицыным. В итоге к началу июля определились три основных положения английского контрпроекта, вызвавшие наибольшее число возражений в российских правительственные верхах.

3 июля министр иностранных дел в беседе с британским послом озвучил предварительную позицию Петербурга. Прежде всего, он заявил о несогласии с британской трактовкой обязательства сторон не оккупировать и не аннексировать какую-либо часть территории афганского государства. По его словам, царское правительство должно следовать этому обязательству без всяких условий и оговорок, в то время как Великобритания ставит выполнение аналогичного обязательства со своей стороны в зависимость от действий эмира Афганистана, в частности, от соблюдения им положений кабульского договора

1905 г. А.П. Извольский выступил именно против такого, безусловного, характера российских обязательств и, со своей стороны, предложил оговорить в соглашении, что они будут иметь силу "лишь пока Афганистан сохраняет свое нынешнее положение" [41].

Вслед за этим А. Никольсону было указано на односторонние решения Лондона по вопросам о торговле и границе. А.П. Извольский, в частности, заявил, что содержание соответствующих статей английского проекта соглашения выгодно России, но вступление их в силу обусловлено получением на то согласия афганских властей, тогда как все обязательства, накладываемые на Россию, вступают в действие уже с момента подписания документа. С таким положением вещей, делал вывод министр иностранных дел, трудно согласиться, ибо "персона, которая не участвует в переговорах, с которой Россия напрямую не связана, и чья внешняя политика находится под контролем Великобритании, может просто счесть условия соглашения, столь выгодные России, недействительными" [42].

По проблеме официального установления непосредственных контактов между афганскими и русскими пограничными властями позиции сторон также разнились. А. Никольсон, следуя инструкциям, полученным от Э. Грея, настаивал, что осуществление таких контактов возможно лишь между специально назначенными пограничными офицерами. А.П. Извольский же требовал принятия иной, более широкой, формулировки, которая допускала бы к участию в них "власти пограничных провинций" [43].

8 июля состоялась еще одна встреча российского министра с британским послом. На этот раз общий тон их беседы был более острым. А.П. Извольский вновь обратил внимание на трактовку Лондоном российских обязательств в отношении владений эмира и заявил о твердом намерении царского правительства внести в текст соглашения дополнительную статью, в которой обязанность России не аннексировать и не оккупировать какую-либо часть афганской территории ставилась бы в зависимость от развития ситуации в самом Афганистане. Попросту говоря, Петербург, вслед за Лондоном, хотел

получить право на свободу действий в этой стране "в случае изменения положения дел" [44].

Дополнительную остроту беседе придало обсуждение вопроса о прямых русско-афганских контактах. А.П. Извольский еще более решительно высказался за участие в них "властей пограничных провинций" и даже указал, что им следует заниматься урегулированием проблем "широкого плана". А. Никольсон пытался активно возражать, но этим лишь усугубил ситуацию, сложившуюся на переговорах. Российский министр иностранных дел ему прямо заявил, что английская сторона "желает ограничить отношения между русскими и афганскими чиновниками очень узкими рамками" [45]. А.П. Извольский в данном случае руководствовался тем соображением, что излишние ограничения "представляют неудобства с практической точки зрения", ибо, полагал он, "вверить... дело пограничных сношений низшим пограничным органам - значит идти навстречу возможным недоразумениям и осложнениям" [46].

Точку зрения А.П. Извольского разделял и генерал-губернатор Туркестана Н.И. Гродеков, предложивший "начальникам гарнизонов Термеза, Керки, коменданту крепости Кушка... предоставить право непосредственных сношений с соответственными авганскими (так в тексте – К.С.) властями по вопросам важнейшим..., но не политического характера, а пограничным приставам, начальникам постов... по вопросам мелочным" [47]. Начальник Генерального штаба Ф.Ф. Палицын советовал, со своей стороны, определить, что прямые контакты по местным вопросам неполитического характера станут осуществляться "на границе" между "русскими и афганскими властями, особо к тому назначеными" [48].

Позиция царского правительства серьезно встревожила правящие круги Великобритании. А. Никольсон доложил Э. Грею, что принятие российских предложений "откроет дверь вмешательству России [в афганские дела - К.С.]" [49].

Лондон отреагировал в высшей степени оперативно. Получив 8 июля телеграмму из Петербурга, британский министр иностранных дел в тот же день телеграфировал А. Никольсону ответ: "Вы должны объяснить г. Извольскому, что, хотя мы не испытываем никакого желания аннексировать или оккупировать афганскую территорию, страх того, что мы можем это сделать, является для эмира главным стимулом к соблюдению им взятых на себя обязательств... Добровольного согласия [эмира - К.С.] с условиями соглашения предпочтительнее достичь, сделав [в его тексте - К.С.] упоминание о необходимости получения такого согласия" [50].

Э. Грей полагал, что российские власти будут удовлетворены объяснениями и примут предложенный проект конвенции, если британский посол гарантирует им, что стремление Лондона добиться одобрения эмиром ее условий продиктовано исключительно желанием Англии "обеспечить... независимость [афганского правителя К.С.] во внутренних делах". Что же касается статьи о российско-афганском пограничном сотрудничестве, то и Э. Грей, и Ч. Гардинг по-прежнему настаивали на принятии уже известной формулировки, мотивируя это тем, что ранее именно о ней шла речь в переписке П. Ленсдауна и А.К. Бенкендорфа, и именно посол России в феврале 1905 г. первым предложил ее к рассмотрению [51].

А. Никольсон, следуя полученным из Лондона распоряжениям, попытался доказать А.П. Извольскому важность скорейшего одобрения всех британских инициатив. 13 июля состоялась их очередная встреча, но царский министр не уступил. Он вновь заявил о претензиях российского правительства к предложенному проекту. Английский посол добился у него лишь согласия не использовать в тексте будущего договора термин "буферное государство" [52].

Столкнувшись со столь решительным нежеланием царских властей принять их условия, англичане остались на время активные попытки добиться реализации своих первоначальных требований. Э. Грей и Дж. Морли, проанализировав сложившуюся ситуацию, подготовили новые предложения, учтя замечания российской стороны. 12 августа А. Никольсон передал А.П.

Извольскому меморандум "правительства Его величества", проясняющий степень готовности Лондона идти навстречу царскому кабинету.

Британские министры, прежде всего, поблагодарили своих российских коллег за согласие предоставить Англии право свободы действий в Афганистане в случае нарушения эмиром взятых на себя обязательств [53]. Одновременно, "учтя возражения русского правительства по поводу безусловного характера предложенных ему условий не оккупировать и не аннексировать какую-либо часть афганской территории", британская сторона согласилась не включать в итоговый текст конвенции заключительную часть 2-й статьи собственного проекта, где об этом шла речь [54].

В меморандуме также перечислялись обязательства, которые готова была взять на себя Англия по договору:

- 1) Использовать свое влияние в Афганистане в исключительно миролюбивом духе в отношении России, не пытаться изменить сложившуюся там ситуацию и не нарушать существующего политического равновесия в регионе в целом.
- 2) Добиваться принятия эмиром всех без исключения положений соглашения, а не только тех, о которых говорилось ранее [55].
- 3) Распространять на российских торговцев все коммерческие уступки, которые англичане получат от эмира в будущем.

В Лондоне нашли и несколько иное решение проблемы организации прямых российско-афганских контактов. Не оставив полностью без внимания претензии Петербурга на участие в них властей пограничных провинций России и Афганистана, британские власти не отказались и от собственного требования о привлечении к этому лишь специальных офицеров. В результате царскому правительству предлагалась такая формула: "Специально назначенные русские и афганские чиновники, находящиеся либо непосредственно на границе, либо в пределах пограничных провинций, имеют право вступать в прямые контакты по местным вопросам неполитического характера" [56]. Очевидно, что эта формулировка одного из наиболее важных

положений конвенции была более выгодна английской стороне, позволяя ей максимально ограничить и без того узкие рамки российско-афганских отношений того времени.

А. Никольсон, передавая меморандум А.П. Извольскому, уже знал, что ему следует предпринять, если петербургские власти не согласятся с простым исключением финальной части 2-й статьи. В этом случае, следуя инструкциям Э. Грея, он представил бы альтернативное решение: статья 2-я сохраняется в первоначальной редакции, вносится лишь дополнение о том, что "в случае изменения политического статуса Афганистана, оба правительства произведут дружеский обмен мнениями по данному предмету" [57]. Впрочем, британский посол полагал, что в самом меморандуме содержится достаточное количество аргументов в пользу его принятия и ему не придется идти на новые уступки.

Однако А.П. Извольский рассуждал иначе. Его действия полностью совпали с наиболее неприятным для Лондона вариантом развития событий. 17 августа на встрече с А. Никольсоном он заявил, что царское правительство не может согласиться с положением английского меморандума относительно статьи 2-й проекта конвенции по Афганистану. Российский министр иностранных дел был убежден в недостаточности предлагаемого Великобританией шага. По его словам, она "сохраняет за собой возможность оккупации Афганистана, тогда как Россия лишается там свободы действий вообще" [58].

Добиваясь права вместе с Англией влиять на действия Кабула, А.П. Извольский, предложил А. Никольсону принять одно из двух условий: а) внесение в текст конвенции положения о том, что "в случае изменения политической ситуации в Афганистане, оба правительства обменяются мнениями по этому вопросу", либо б) публикация вместе с конвенцией заявления российского кабинета о том, что "при изменении политической ситуации [в Афганистане - К.С.] Россия будет считать себя свободной от всяких обязательств" [59].

Спустя два дня, 19 августа, А.П. Извольский вручил британскому послу полный текст российского проекта соглашения. Он во многом отличался от английского, бывшего до сих пор в центре внимания. Царские власти свели воедино все к тому времени высказанные ими условия.

От Великобритании требовалось: не пытаться изменить политический статус Афганистана и не вмешиваться в его внутренние дела; использовать свое влияние только в миролюбивом духе в отношении России и не поощрять эмира к проведению любых мероприятий, угрожающих ей; не аннексировать и не оккупировать территорию Афганистана, если эмир будет выполнять обязательства, взятые им на себя по кабульскому договору 1905 г.

Россия признавала Афганистан лежащим вне сферы своего влияния и обязывалась все политические контакты с Кабулом вести при посредстве британского правительства, не аннексировать и не оккупировать какую-либо часть Афганистана, не вмешиваться в его внутреннее управление. "Специально назначенные представители российских и афганских властей" могли вступать в "непосредственные отношения для урегулирования местных вопросов неполитического характера". Провозглашался принцип "открытых дверей и равных коммерческих возможностей" для английских и русских торговцев в Афганистане. В отдельной статье оговаривалось, что "стороны произведут дружеский обмен мнениями, в случае какого бы то ни было изменения в политическом статусе Афганистана". Наконец, предусматривалось, что конвенция вступит в силу "с момента, когда британское правительство известит российское...о согласии эмира принять ее условия" [60].

Министр иностранных дел Великобритании ознакомился с предложениями Петербурга 20 августа. Следующий день ушел у него на консультации с членами кабинета, так что А. Никольсон получил необходимые инструкции лишь утром 22-го. С этого момента переговоры вступили в решающую стадию. Интенсивность контактов российских и британских дипломатов резко возросла. Встречи А.П. Извольского с английским послом следовали одна за другой. Добиваясь приемлемого решения того или иного вопроса, они отказывались от

старых своих предложений, и снова возвращались к ним, уточняя отдельные положения конвенции, напоминали друг другу об уже взятых обязательствах, либо оговаривали новые. Каждый стремился склонить собеседника к безусловному принятию своей позиции. Словом, велся откровенный торг вокруг условий будущего соглашения.

20 и 21 августа А.П. Извольский обсуждал с А. Никольсоном возможность привлечения России к анализу положения в Афганистане в случае изменения там политической ситуации. Он убеждал британского представителя в отсутствии у царского правительства каких-либо планов вмешательства в действия Кабула, найдя вполне логичное объяснение собственной настойчивости: "Россия имеет довольно протяженную границу с Афганистаном, а значит все, что там происходит, не может ее не касаться" [61]. Именно в случае вторжения британских войск на афганскую территорию, либо введения британской администрации в стратегически важных центрах Афганистана, российский министр иностранных дел предусматривал проведение взаимных консультаций с лондонским кабинетом. Однако А. Никольсон придерживался иного взгляда. Он указал, что "весь смысл политики Великобритании в отношении Афганистана сводится к тому, чтобы не допускать и не признавать прямого или непрямого вмешательства третьей стороны" в его внутренние или международные дела. По мнению посла, обязательства британской стороны "использовать свое влияние в Афганистане только в миролюбивом духе, не предпринимать и не поощрять эмира к принятию каких-либо мер, угрожающих русской границе", достаточно, чтобы развеять все возможные опасения российского правительства [62].

Прийти к единому мнению собеседники не успели, так как уже 22 августа А. Никольсон получил от Э. Грея инструкции с требованием пересмотра других положений проекта конвенции. Новые инициативы Лондона предусматривали исключение из ст.2 (в том виде, как она была предложена А.П. Извольскому 17 июня) первого и последнего пунктов и перенос фразы о мирном использовании

Великобританией своего влияния в Афганистане в ст.1, чтобы, таким образом, в ней одной оговаривались все взаимные обязательства сторон.

В тот же день А. Никольсон передал условия главы Форин офиса А.П. Извольскому. Последний был весьма удовлетворен ими. Лондонские власти пошли на максимальные уступки, приняв во внимание его критику положений меморандума 12 августа [63]. Важно было и то, что теперь отпала необходимость продолжать спор, начатый с британским послом, ибо английская сторона согласилась "вступить в дружеский обмен мнениями" с российским правительством "в случае каких-либо изменений в политическом статусе Афганистана" [64]. О содержании последних предложений Э. Грея А.П. Извольский доложил императору Николаю II. Тот заявил, что одобрят их, если участники Особого совещания по афганскому вопросу единогласно проголосуют за их принятие [65].

23 августа министр иностранных дел России направил А. Никольсону личное послание, в котором дал понять, что недавние шаги Лондона будут поддержаны. Он допускал, что при утверждении итогового проекта конвенции в правительстве могут возникнуть некоторые затруднения, но полагал, что ему удастся их преодолеть, имея на руках условное согласие царя [66].

В полдень 24 августа А.П. Извольский, абсолютно уверенный в благоприятном исходе заседания Особого совещания, назначенного на вечер того же дня, вручил А. Никольсону итоговый, как он думал, текст проекта соглашения. Документ состоял из пяти статей. 1-я включала обязательства сторон: британское правительство гарантировало, что не имеет намерений изменять политический статус Афганистана, будет использовать свое влияние там исключительно в мирном духе, не предпринимая и не поощряя эмира к принятию мер, угрожающих России. Последняя признавала Афганистан лежащим вне сферы своего влияния, соглашалась не направлять туда коммерческих агентов и дипломатических представителей, а все политические контакты с Кабулом вести при посредстве лондонского кабинета. 2-я статья касалась отношений между пограничными властями. 3-я провозглашала

равенство торговых прав и коммерческих возможностей для русских и англичан в Афганистане. В статье 4-й оговаривалось вступление конвенции в силу лишь после получения согласия эмира. Статья 5-я гласила, что, "если произойдут какие-либо изменения в политическом статусе Афганистана, договаривающиеся стороны произведут дружеский обмен мнениями по этому предмету" [67].

Вечером 24 августа состоялось заседание Особого совещания, на котором А.П. Извольский, совершенно неожиданно для себя, столкнулся с сильнейшей оппозицией. В доказательстве очевидной выгодности условий афганской конвенции для России его поддержали только П.А. Столыпин, Ф.Ф. Палицын и А.А. Поливанов [68], остальные же участники заседания решительно критиковали за чрезмерные, по их мнению, уступки англичанам. Большинством голосов было решено отклонить последние инициативы Лондона и добиваться обратного внесения в текст конвенции первого пункта статьи 2-й британского контрпроекта [69]. Это означало отказ от условий, уже фактически согласованных на уровне министров иностранных дел.

25 августа А.П. Извольский сообщил А. Никольсону о принятом решении. Английский посол в ответ потребовал исключить из предъявленного ему накануне текста соглашения статью 5-ю, либо, сохранив ее, внести в новый проект всю 2-ю статью, а не только ее первый пункт. А.П. Извольский попробовал убедить А. Никольсона в опасности такого шага, указав, что российские министры не уступят, и любое новое требование в их адрес поставит переговоры на грань срыва, не говоря уже о том, что под вопросом окажется его дальнейшее пребывание в правительстве [70]. Одним словом, ситуация накалялась. Британский посол запросил новых указаний и 26 августа получил распоряжение министра иностранных дел настаивать на уже заявленных требованиях. "Общественное мнение настроено весьма критически в отношении уступок по Афганистану", - сообщил Э. Грей [71].

А. Никольсон расценил его слова как руководство к действию и 27 августа предложил А.П. Извольскому два варианта решения проблемы:

1) Сохранить ст. 2 в том виде, в каком она была представлена в британском контрпроекте от 17 июня 1907 г., либо

2) Вычеркнуть из нее финальную часть при одновременном исключении из текста соглашения и дополнительной статьи (о действиях сторон в случае изменения политического статуса Афганистана) [72].

Особое совещание постановило принять второй вариант [73], о чём А.П. Извольский сообщил А. Никольсону 29 августа. Подписание же конвенции состоялось 31-го.

По ее условиям английское правительство обязалось не присоединять и не занимать какой-либо части Афганистана, если эмир будет выполнять условия договора от 21 марта 1905 г., не стремиться к изменению политического статуса афганского государства, использовать там свое влияние только в миролюбивом духе, не предпринимая и не поощряя эмира к принятию мер, угрожающих России.

Царское правительство, в свою очередь, признавало Афганистан находящимся вне сферы своего влияния и все политические контакты с ним обязалось вести при посредничестве Великобритании. Русские и афганские пограничные власти получали право вступать в непосредственные контакты по местным вопросам неполитического характера. Признавался принцип торгового равноправия держав в Афганистане. Все эти положения вступали в силу лишь после одобрения их эмиром [74].

Английские политики по-разному оценили подписание конвенции. Министры, активно добивавшиеся союза с Россией, были полностью удовлетворены ее условиями. С точки зрения Э. Грея, "Британия абсолютно ничем не пожертвовала в Афганистане" [75]. "Громадным выигрышем", который "призван укрепить безопасность владений эмира" назвал этот договор министр по делам Индии Дж. Морли [76]. Их мнение целиком разделял Ч. Гардинг [77]. Иную позицию занял вице-король Э. Минто, признав "большой политической ошибкой игнорирование афганского эмира во время

переговоров", а само подписание соглашения сочтя лишь проявлением "тщеславия... либерального правительства" [78].

В парламенте полную поддержку англо-русской конвенции высказал П. Ленсдаун. Бывший министр иностранных дел заявил, что рассматривает соглашение с Россией "наиболее подходящим способом урегулирования сложных вопросов", а за достигнутые в отношении Афганистана уступки "готов поздравить... правительство" [79].

Иного взгляда придерживались лидеры парламентской оппозиции. 6 февраля 1908 г. с резкой критикой основных положений афганской конвенции выступил недавний вице-король Индии Дж. Керзон. По его словам, кабинет уступил России "право ведения непосредственных контактов с пограничными афганскими властями", тогда как сами англичане "не пользуются таким правом". Вторая ошибка - "позволение [России - К.С.] иметь торговых агентов [в Афганистане - К.С.] в будущем". С точки зрения Дж. Керзона, "торговый агент склонен забывать, что его цель - торговля, и помнит лишь о том, что он просто агент". Бывший вице-король осудил правительство и за предоставление России равных с Англией коммерческих прав в Афганистане [80].

Мнение Дж. Керзона разделял и один из лидеров парламентской оппозиции А. Бальфур. В своей речи в палате общин он обратил внимание на то, что правительство "оставило благоприятную возможность для возникновения... разногласий" с Россией, "не дав никакого понятия относительно того, каким образом следует различать чисто местные затруднения между населением по обе стороны [русско-афганской - К.С.] границы и другие более важные вопросы". В целом, бывший премьер-министр отозвался о подписанным в Петербурге документе даже категоричнее своих коллег по оппозиции, заявив, что англичане "потеряли все и не получили ничего" [81].

Взгляды британских политиков относительно условий урегулирования отношений с Россией очень точно охарактеризовал в своих "Воспоминаниях" С.Д. Сазонов, царский министр иностранных дел в 1910-1916 гг. По его словам,

"отрицательное отношение [к соглашению 1907 г. - К.С.] встречалось, главным образом, у лиц, принадлежащих к служебному составу англо-индийского правительства, или у той группы Великобританских государственных деятелей, которые всегда считали началом всякой политической мудрости непримиримую вражду к России" [82].

Глава 2.

Афганистан во внешней политике России (1907-1914 гг.)

С лета 1907 г. политический союз с Великобританией являлся, пожалуй, ведущим фактором, определявшим позицию России в ее контактах с Афганистаном. Непринятие эмиром Хабиуллой-ханом англо-русского соглашения не обеспокоило царское правительство. Министр иностранных дел А.П. Извольский предложил британской стороне считать афганскую конвенцию вступившей в силу и действовать в дальнейшем согласно ее положениям. Российские власти, полагаясь на влияние Англии в Афганистане, ожидали, что Лондон, в конце концов, заставит Хабиуллу-хана согласиться с поставленными условиями, а до тех пор прямые русско-афганские контакты осуществлялись, как и прежде, от случая к случаю, и доступ российским подданным в Афганистан был закрыт.

После того как британское правительство согласилось считать афганскую конвенцию вступившей в силу, военное командование в Туркестане получило право устанавливать непосредственные контакты с афганской пограничной администрацией по местным вопросам неполитического характера. Правда, в соответствующем распоряжении директора Первого (Азиатского) департамента министерства иностранных дел все равно оговаривалось, что этим контактам не следует придавать «определенного и систематического характера, пока не имеется...согласия эмира» [1]. Впрочем, афганские власти и сами не стремились к совместному с Россией разрешению пограничных проблем.

Ярким свидетельством тому стали события 1908-1909 гг., связанные с массовым бегством джемшидов с территории северного Афганистана. Около 1500 семей оказались тогда в Туркестане. Русские власти приняли их, оказали необходимую помощь и расселили в приграничной полосе. Однако Хабиуллу-хана не устроили действия царской администрации. В феврале 1910 г. он просил вице-короля Индии Ч. Гардинга, чтобы британское правительство настояло на переселении джемшидов вглубь Средней Азии, как можно дальше

от границы афганских владений. В марте британский посол в Санкт-Петербурге А. Никольсон сообщил министру иностранных дел России о желании эмира, но А.П. Извольский в ответ заявил, что царское правительство не может согласиться с требованием афганской стороны ввиду отсутствия в Туркестане свободной земли, воды и пастбищ [2].

Не вызывало оптимизма в министерстве иностранных дел России и общее состояние отношений с Афганистаном. В сентябре 1909 г. А.П. Извольский с сожалением констатировал, что «в отношениях к этому ханству никаких видимых перемен не произошло. Правительство Афганское по-прежнему...ревниво оберегает свою независимость и...всеми мерами тормозит развитие торговых сношений с Средней Азией» [3]. Для выхода из создавшейся ситуации начальник Закаспийской области генерал-лейтенант М.Д. Евреинов предложил принять репрессивные меры вплоть до полного закрытия границы с Афганистаном, полагая возможным такими мерами вынудить эмира пересмотреть свою политику [4].

Однако, по мнению А. П. Извольского, подобные шаги привели бы лишь к свертыванию российско-афганской торговли и полному прекращению контактов между пограничными властями даже по самым незначительным вопросам. Министр иностранных дел отклонил предложение М.Д. Евреинова и рекомендовал правительству «как можно более поощрять...торговые сношения жителей (Афганистана – К.С.) с нашими владениями, всячески привлекая их к себе в видах распространения через их посредство и наших товаров, и нашего влияния» [5]. Это была программа, рассчитанная на перспективу. А.П. Извольский, видимо, понял, что ошибся, сделав ранее ставку исключительно на английское влияние в Афганистане, и теперь полагал необходимым для России в отношениях с эмиром вновь опереться на собственные силы, но при этом действовать осторожно и не торопить события. «Рано или поздно Афганское правительство само придет к сознанию необходимости отказаться от своей замкнутости», - считал он [6].

Даже после ухода А. П. Извольского с поста министра иностранных дел (сентябрь 1910 г.) царский кабинет проводил, хотя и не всегда последовательно, именно эту линию. Серьезных успехов, впрочем, достигнуто все же не было. Помимо традиционной подозрительности афганцев к действиям соседей, свою роль здесь сыграли и другие факторы, прежде всего – обострение ситуации в Персии после низложения шаха Мухаммада-Али и прихода к власти конституционалистов. Уже летом 1910 г., опасаясь проникновения либеральных идей, кабульское правительство ужесточило пропускной режим на персидско-афганской и российско-афганской границах. Гарнизону Герата был объявлен указ эмира о том, что в войсках не должно быть никаких разговоров о конституции «и тому подобных глупостях, выдуманных «кизилбашами» (персами)», и что при малейших признаках ослабления дисциплины среди офицеров и нижних чинов виновные будут строго наказаны [7].

Афганские власти, кроме того, были серьезно обеспокоены расширением русского военного присутствия в Персии. Агент эмира в Мешхеде, подстрекаемый английским консулом майором П. Сайксом, докладывал в Кабул о планах России занять Герат [8]. Когда в декабре 1911 г. части 2-го армейского корпуса начали переброску из Туркестана в Хорасан, Хабибулла-хан экстренно принял ответные меры. Из восточных провинций Афганистана к персидской границе были подтянуты войска. Наиб-уль-хукуме (губернатор) Герата Мухаммад Сарвар-хан получил приказ не допустить выхода русских отрядов к афганской территории [9].

Эти мероприятия, впрочем, носили исключительно оборонительный характер. Эмир не желал втягивания в конфликт с Россией из-за Персии. В январе 1912 г. власти Хорасана просили его оказать любую возможную помощь ввиду приближения царских войск, но Хабибулла-хан ответил, что поражение персов неизбежно, а потому он ограничится только закрытием границы, чтобы «вооруженной силой» преградить путь в Афганистан и русским войскам, и персидским конституционалистам [10].

Другим средством сдерживания России эмир считал распространение панисламистских идей в Туркестане. Он отлично понимал, что все потраченные на это усилия многократно оправдают себя в случае начала войны или короткого конфликта. Более того, Хабибулла-хан вынашивал планы уничтожения русского протектората над Бухарой и Хивой. Религиозные чувства мусульман представлялись для этого подходящим инструментом [11].

Примером подрывной работы афганских агентов в русских пределах являются действия разведчика Мир Мухаммад Хусейн-хана, направленного осенью 1910 г. в Бухару по приказу эмира. Ему поручалось проверить информацию о полном вхождении бухарских земель в состав России, а также «следить за настроениями мусульманского населения...и направлять умы его в желательном направлении» [12]. Для выполнения этих задач Мир Мухаммад Хусейн-хан имел значительные денежные средства – около 20 тысяч рублей.

Подлинные же масштабы деятельности афганской агентуры в Туркестане были намного шире. В январе 1911 г. русская военная контрразведка раскрыла целую сеть шпионов, которую возглавлял Мухаммад Гаус-хан, торговый агент Хабибуллы-хана при дворе эмира бухарского. В ходе обыска у него были обнаружены черновики донесений в Кабул, свидетельствовавшие о том, что он имел полную информацию не только о политических событиях в Туркестане, Хиве и Бухаре, но и всех мероприятиях русского военного командования вплоть до «мелчайших подробностей в передвижении отдельных частей» [13]. В апреле 1913 г. та же история повторилась с Хаджи Абдул Наби-ханом, преемником Мухаммада Гаус-хана [14].

Довольно сложная обстановка складывалась в этот период и на русско-афганской границе. На фоне постепенного развития торгово-экономических связей, возраставшего притока выходцев из Гератской провинции и Чарвилайета в Закаспийскую область и Бухару, пограничные власти России и Афганистана действовали по-прежнему без всякого согласования. Хабибулла-хан строго запрещал своим чиновникам и офицерам контакты с царскими

властями, тогда как обстановка в приграничной полосе требовала серьезного внимания обеих сторон.

Население Средней Азии испытывало значительные трудности вследствие неудовлетворительного характера русско-афганских отношений. Подданные эмира свободно допускались в пределы Туркестана, но русским доступ в Афганистан был полностью закрыт. Отсюда и возникали многие проблемы. К примеру, чрезвычайно долго тянулись взаимные иски, гражданские и уголовные, поскольку российские судебные органы не могли своевременно обратиться к ответчику в случае его пребывания на афганской территории.

Очень остро стояла и проблема совместного водопользования на границе. Богатейшие оазисы Закаспийской области – Мервский, Пендинский и Тедженский, орошались лишь реками Мургаб и Герируд, бравшими начало в Афганистане, где местные жители тоже отводили их воду под свои посевы. Год от года такие работы велись активнее, что могло со временем поставить наиболее плодородные районы Туркестана в безвыходное положение [15].

Руководство министерства иностранных дел России уделяло ситуации, складывавшейся на афганской границе особое внимание, но долгое время не решалось приступить к ее урегулированию. Только когда в 1912 г. в результате ирригационных работ, проведенных афганцами, был причинен ущерб владениям императорской семьи в Бала-Мургабе, глава МИД С.Д. Сazonov призвал английское правительство воздействовать на эмира. В Лондоне он обсудил возникшую проблему со своим британским коллегой Э. Греем, но тот дал понять, что едва ли сможет повлиять на позицию Афганистана, поскольку Хабибулла-хан, по его словам, «плохо слушается голоса Англии» [16]. Вместе с тем, глава Форин офиса склонен был согласиться с непосредственным участием России в решении данного вопроса [17]. 14 февраля 1913 г. посол Великобритании в Петербурге Дж. Бьюкенен в беседе с С.Д. Сazonовым признал, что английским властям «на расстоянии трудно оказать давление на ханов Герата» и намекнул, что соответствующее предупреждение, «адресованное Россией будет иметь больший эффект» [18].

Сами царские дипломаты были настроены весьма воинственно. Генеральный консул России в Калькутте К.Д. Набоков и старший советник министерства иностранных дел В.О. фон Клемм рекомендовали принять самые решительные меры, чтобы заставить эмира быть сговорчивее. Первый считал достаточным для этого привести в боевую готовность войска Туркестанского военного округа [19], полагая, что одна лишь демонстрация силы решит исход дела, а второй допускал даже прямое военное вмешательство. В Записке по афганскому вопросу, подготовленной в феврале 1913 г. для министра иностранных дел, В.О. фон Клемм предлагал «снарядить в верховья Мургаба и Теджена (Герируда – К. С.) экспедицию, которая разрушила бы все плотины, засыпала бы... оросительные каналы и, под страхом дальнейших репрессий», договорилась бы с местным населением «о пропуске установленной нормы воды в Закаспийскую область» [20].

Однако С.Д. Сазонов решил ждать, когда Лондон убедит Хабибуллу-хана, и тот позволит своим властям начать обсуждение спорных вопросов с русской пограничной администрацией. Британское же правительство, со своей стороны, предпочло не тревожить эмира подобными просьбами. 5 марта 1913 г. Ч. Гардинг получил от Хабибуллы-хана письмо, в котором тот категорически отказался признать право России ограничивать афганцев в пользовании водами рек на их территории. После этого Э. Грей сделал вывод, что Англии следует придерживаться уже устоявшейся системы отношений с Кабулом и не требовать большего [21].

Обстановка на южных российских рубежах еще более осложнилась, когда власти Афганистана заявили о территориальных претензиях к России (август 1912 г.). Наиб-уль-хукуме провинции Бадахшан признал линию границы на Памире вблизи русского поста Кизил-Рабат не соответствующей решениям разграничительной комиссии 1895 г. Участок между реками Ак-су и Кашка-су, по его мнению, должен был перейти афганцам. Совместный осмотр спорной территории, проведенный начальником Кизил-Рабатского пограничного

поста и афганскими представителями из Файзабада, не удовлетворил ни одну из сторон. Согласовать позиции им не удалось [22].

Новую попытку урегулировать имевшиеся разногласия царские власти предприняли зимой 1913 г. Начальник Памирского пограничного отряда подполковник А. Шпилько в личном письме предложил губернатору афганской провинции Бадахшан устраниТЬ возникшие противоречия, еще раз организовав контрольный объезд границы. Однако тот направил своих представителей к Кизил-Рабату лишь в конце августа 1914 г., получив предварительно согласие эмира на продолжение контактов с российскими пограничниками. На сей раз выяснилось, что афганская сторона претендует на территорию от озера Бахмардын-Куль до рек Кашка-су и Тегерман-су [23].

После встреч с афганцами и досконального изучения возникшей проблемы А. Шпилько доложил генерал-губернатору Туркестана Ф.В. Мартсону, что «поводом к различному представлению о положении пограничной черты» послужила недостаточно четкая формулировка в «Описании Российской Государственной границы на Памирах», определяющая положение пограничного столба № 10. В этом документе, составленном на основе решений разграничительной комиссии 1895 г., утверждалось, что он установлен «на северной оконечности склона отрога..., разделяющего воды Тегерман-су и Кашка-су» [24]. На самом деле же оказалось, что столб находится значительно южнее. Теперь генерал-губернатору Туркестана и начальнику Памирского пограничного отряда стало ясно, что требования афганских властей вполне законны, и основываются они на более точных данных о географии местности, чем те, которыми руководствовались английские и русские военные, определяя северо-восточные рубежи Афганистана почти за 20 лет до этого [25].

Тем не менее, руководство МИД признало выводы ташкентской администрации неубедительными. По мнению товарища (заместителя) министра иностранных дел А.А. Нератова, расположение всех пограничных столбов полностью соответствовало картам памирского разграничения. Со своей стороны, он рекомендовал Ф.В. Мартсону «доказать афганцам

неосновательность их домогательств», опираясь на сведения об общем направлении граница в районе Кизил-Рабата, а не на характеристику местоположения столба № 10. «Наша памирская граница образует почти прямую линию, идущую в В-Ю-В направлении..., если бы точка зрения (афганской стороны – К. С.) была правильной, границу от озера Бахмардын-Куль следовало бы описать как ломаную линию» [26], - указал он. Иными словами, царские власти решили отстаивать лишь те положения Памирского протокола 1895 г., которые отвечали их интересам. Все же свидетельства правоты афганского правительства решительно отвергались.

Весной 1914 г. в Петербурге начался новый раунд российско-британских переговоров. Лондонское правительство добивалось признания своих исключительных прав в Тибете, зафиксированных Симлской конвенцией (февраль 1914 г.): права на концессии и дипломатическое представительство, а также на посредническую роль в тибетско-китайских отношениях. Однако эти требования шли вразрез с условиями англо-русского соглашения 1907 г. по Тибету, и потому С.Д. Сазонов сразу заявил, что, если британская сторона желает его пересмотра, то он, в свою очередь, потребует пересмотра афганской конвенции. Это не смутило Дж. Бьюкенена. Он попросил ознакомить его с конкретными соображениями царского кабинета по данному вопросу. Министр иностранных дел в ответ перечислил английскому представителю условия, которые удовлетворили бы российскую сторону. Британскому кабинету предлагалось: добиться принятия эмиром соглашения 1907 г.; не допускать появления никаких предприятий или концессий в Афганистане севернее линии Герируд - Гиндукуш; не требовать уступок для английских компаний или частных лиц в этой зоне; не начинать железнодорожного строительства в северном Афганистане без согласия России [27].

26 мая английский посол сообщил, что Лондон готов принять эти условия, с одним лишь уточнением: из русской зоны влияния должна быть исключена вся долина реки Герируд [28]. Однако С.Д. Сазонов не уступил, и тогда Дж. Бьюкенен, считая его требования завышенными, заявил о желании своего

правительства обсудить не только будущее Афганистана, но и итоги российско-английского сотрудничества в Персии. По его словам, возникла необходимость «вернуть интересы России и Великобритании к тому положению, которое они...занимали в 1907 г.» [29].

Таким образом, речь шла вовсе не о пересмотре положений персидской конвенции, как полагают некоторые исследователи [30]. Обозначилась лишь перспектива затягивания переговоров, поскольку их участники имели ряд претензий друг к другу. В частности, Форин офис готовился осудить присутствие царских войск на севере Персии, а российский МИД вправе был требовать дополнительных уступок за изменение британских позиций в Тибете. Безусловно, все это не лучшим образом могло бы повлиять на отношения великих держав в рамках Антанты, но говорить об угрозе расшатывания основ соглашения 1907 г., как это делал, к примеру, С. Б. Панин, нет достаточных оснований [31]. Тем более, что возникшие сложности в русско-британских отношениях были преодолены неожиданно быстро и без видимых неудобств для обеих сторон. Китай отказался ратифицировать Симлское соглашение, что лишило Россию права добиваться компенсации за изменение тибетской конвенции.

И все же «переговоры 1914 г. свидетельствовали о появлении новых моментов в политике Англии и России в Афганистане» [32]. Британские дипломаты признали возможность его раздела, хотя еще не были готовы к принятию практических мер в этом направлении. Что же касается России, то, обозначив проблему разграничения сфер влияния в Афганистане и отлично понимая, что быстро ее не удастся решить, царское правительство хотело закрепить за собой на будущее северную часть территории страны.

В целом, говоря об итогах российско-афганских отношений к 1914 г., следует признать, что они оказались весьма скромными. Ни одна из серьезных проблем не была урегулирована. Хабибулла-хан, как и прежде, стремился свести до минимума контакты с Россией и ограничить общение своих подданных с русскими жителями Туркестана. Царские же власти действовали в

соответствии с условиями непризнанного эмиром соглашения 1907 г. и долгое время не решались выйти за его рамки. Предлагавшиеся рядом сотрудников министерства иностранных дел варианты силового вмешательства в афганские дела с целью разрешения имевшихся противоречий были отклонены. Лишь к началу Первой мировой войны острота нерешенных вопросов заставила МИД России приступить к разработке новых внешнеполитических подходов, где неприкосновенность владений афганского эмира уже не ставилась во главу угла.

Глава 3.

Англо-русские разногласия по афганскому вопросу и проникновение германо-турецких агентов в Афганистан (1914-1915 гг.)

Начавшаяся 1 августа 1914 г. мировая война изменила политическую обстановку почти во всех государствах Среднего Востока. Афганистан не участвовал в боевых действиях, но обе воюющие группировки стремились привлечь его на свою сторону: Германия и Турция настойчиво подталкивали эмира Хабибуллу-хана к выступлению против России и Англии, а те, в свою очередь, пытались удержать кабульского правителя в рамках уже сложившейся системы взаимоотношений и не допустить его присоединения к центральным державам.

8 августа 1914 г. вице-король Индии Ч. Гардинг направил Хабибулле-хану послание, в котором сообщил о начале войны в Европе и рекомендовал в создавшейся ситуации “сохранять абсолютный нейтралитет, приняв специальные меры для безопасности государственной границы” [1]. Кабульский правитель последовал этому совету. 19 августа он ответил Ч. Гардингу, объяснив свое решение следующим образом: “Когда гарантируется безопасность...правительства Афганистана от вредных и дьявольских намерений его врагов и нет вреда его чести и достоинству, и его нынешнее независимое положение сохраняется и поддерживается, население говорит правительству, чтобы оно оставалось нейтральным” [2].

Однако реальное положение дел в Афганистане отличалось от картины обрисованной эмиром. По информации российского военного агента в Хорасане подполковника Л.Н. Скурата, поданные Хабибуллы-хана были настроены “откровенно прогермански”, и “весь ход военных действий сводили к одному - победам Германии” [3]. Командование Туркестанского военного округа вообще мало доверяло заявлениям Хабибуллы-хана о нейтралитете. 23 августа 1914 г. начальник штаба ТуркВО генерал-майор И.З. Одишиелидзе телеграфировал в Главное управление Генерального штаба (ГУГШ):

“Эмир...может попытаться объединить [население - К.С.] идеей борьбы против неверных русских, якобы ослабевающих вследствие войны на западе, и рискнет на авантюру” [4].

Подобные известия встревожили царские власти. Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов уполномочил посла в Лондоне запросить у британской стороны дополнительные данные о ситуации в Афганистане (он рассчитывал на поддержку английского правительства в деле сдерживания эмира) [5]. А.К. Бенкendorf в ответ заверил его, что, по словам вице-короля, Хабибулла-хан “не намерен нарушать нейтралитета” [6].

Из других же источников руководство МИД России и военного министерства получало менее оптимистичные сообщения. Л.Н. Скурат доложил начальнику ГУГШ, что “симпатии правящих кругов [Афганистана - К.С.] направлены в сторону...врагов” России и Англии, и предупредил, что, “если на арену...войны выступит Турция...выступление афганцев...нельзя считать невероятным” [7]. Подобные опасения были вполне оправданы, а, учитывая еще информацию, поступавшую в Петроград из Константинополя, вырисовывалась довольно невыгодная для держав Антанты перспектива, однако радикально повлиять на ход событий они не могли [8]. Им оставалось лишь полагаться на обещания Хабибуллы-хана и одновременно готовиться к отражению возможного удара с его стороны.

Вскоре случилось то, чего опасались и в Лондоне, и в Петрограде. 12 ноября 1914 г. в войну вступила Турция. Это заставило российские и британские власти еще более внимательно следить за событиями, происходящими в Афганистане. Усиление протурецких настроений там было неизбежно, а ответить чем-либо конкретным они не решались. Вице-король лишь направил эмиру очередное послание с призывом сохранять нейтралитет. В общении с Хабибуллой-ханом он стал очень осторожным. К этому его обязывало сокращение численности войск в Индии после начала войны. О ведении наступательных операций против афганской армии уже не могло быть и речи. По оценке генерального консула России в Калькутте К.Д. Набокова,

смысл предпринятых англо-индийским правительством шагов сводился к тому, чтобы “избежать осложнений на границе Афганистана” [9].

Царские дипломаты и военные действовали аналогичным образом. Генерал-губернатор Туркестана Ф.В. Мартсон приказал подчиненным ему пограничным властям придерживаться “по отношению к Афганистану...самого корректного образа действий”, избегая “всего того, что могло бы обострить...добрососедские отношения с этой страной” [10]. Вместе с тем, и в Ташкенте, и в Петрограде не было твердой уверенности, что принятых мер будет достаточно для сдерживания неспокойного соседа. “Фанатизм афганцев может вспыхнуть помимо воли эмира, - считал начальник III политического отдела российского МИД В.О. фон Клемм”[11]. Его, как и других руководителей министерства иностранных дел, серьезно беспокоили сведения об усилении войск Хабибуллы-хана в пограничных с Россией районах. Кроме того, имелись данные о расширении деятельности афганской агентуры в Средней Азии и поставках оружия на территорию Бухары [12].

В этих условиях в Петрограде решено было напрямую обратиться к вице-королю Индии с просьбой оговорить совместные шаги на случай выступления Афганистана. Пока речь шла лишь о планировании совместных мероприятий военного характера. 11 ноября В.О. Клемм телеграфировал К.Д. Набокову: “Генерал-губернатор [Туркестана - К.С.] признает... желательным, чтобы, в случае открытия афганцами военных действий, на них было произведено энергичное давление со стороны Индии вооруженной силой” [13].

Генконсул в Калькутте имел постоянный контакт с вице-королем и его секретарем по иностранным делам, а потому без промедления сообщил им о поступившем предложении. Однако Ч. Гардинг и Г. Мак-Магон вежливо отклонили его. С их точки зрения, просьба царских властей свидетельствовала о стремлении Петрограда использовать создавшуюся ситуацию для нанесения удара по Афганистану с двух сторон. В результате, полагали они, Россия установила бы контроль над частью его территории. Естественно, англо-индийское руководство не могло с этим согласиться. Обстановка, хотя и

сложнялась, оставалась вполне контролируемой, а потому Ч. Гардинг пока не видел необходимости уступать царской администрации в данном вопросе. К.Д. Набокову он заявил, что “индийское правительство не считает опасными военные приготовления Афганистана”. Для большей убедительности вице-король ознакомил русского представителя с письмом Хабибуллы-хана, в котором тот говорил о своей дружбе с Англией и “твердом намерении не выступать активно против нее” [14].

Подобный ответ, однако, не удовлетворил российскую сторону. В Петроград постоянно шли тревожные телеграммы. Политический агент в Бухаре А.К. Беляев и вице-консул в Сеистане В.С. Романовский сообщили о крупных разногласиях в афганском правительстве и попытке покушения на эмира. По их сведениям, турецкий султан обратился к Хабибулле-хану с просьбой о поддержке, но тот отказал ему, чем и вызвал негативную реакцию в своем ближайшем окружении [15]. Л.Н. Скурат передал информацию о конфликте Хабибуллы-хана с братом Насрулло-ханом. Последний, воспользовавшись отъездом правителя в Джелалабад, в январе 1915 г. распорядился о продаже оружия населению и направил значительное его количество племенам на индийской границе. Лишь непосредственное вмешательство эмира заставило Насруллу-хана временно отказаться от подобных действий [16]. Разведка Туркестанского военного округа доносила о сосредоточении правительственные войск на севере Афганистана. В Ташкент поступили даже сведения о том, что начало военных действий против России назначено на середину марта [17].

Все это свидетельствовало об одном: присоединение Турции к противникам Антанты воодушевило афганцев, подняло их дух. От армий султана ждали побед над “неверными” и готовились их активно поддержать. Наложенные в прошлом контакты афганских правящих кругов с турецкой политической верхушкой активно развивались. Эмиссары султана осенью - зимой 1914 г. бывали в Кабуле, предлагая Хабибулле-хану выступить против Англии и России, однако он не пошел на это.

Тем не менее, происходившее в Афганистане уже не просто настораживало, а пугало обоих его соседей. Царские дипломаты не скрывали своего страха. 17 февраля А.К. Беляев обратился к товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову с просьбой “как можно скорее увеличить гарнизоны [на территории Бухарского эмирата - К.С.] хотя бы второстепенными войсками” [18]. В Калькутту непрерывно посыпались запросы с целью получения дополнительных данных о планах эмира и выяснения степени готовности англо-индийской армии к отражению нападения со стороны Афганистана.

Британские власти не менее чем российские были встревожены происходящим [19], но желали создать видимость своего полного контроля над ситуацией. Ч. Гардинг в беседах с К.Д. Набоковым искусно скрывал истинное положение дел, серьезно принижая степень угрозы, исходившей из Кабула. С начала января до конца июня 1915 г. российский генконсул направлял в Петроград из Калькутты телеграммы, где и слова не говорилось о конфликте в афганском руководстве, о призывах к войне и вооружении населения. Напротив, в них речь шла о том, что “эмир отвечает [вице-королю - К.С.] изъявлениями дружбы” и намерен “сохранить строгий нейтралитет”, что у него “миролюбивое настроение” и потому “нет никаких указаний на возможность враждебных выступлений Афганистана” [20].

Безусловно, английскому кабинету было выгодно и дальше удерживать Россию в стороне от всего происходившего во владениях Хабибуллы-хана. Сказать правду - значило привлечь царские власти к новому обсуждению афганской проблемы и неизбежно столкнуться с дополнительными трудностями. В Лондоне, судя по всему, решили не идти на это без крайней необходимости. Кроме того, британское правительство верило заявлениям Ч. Гардинга, что принимаемых в Индии мер достаточно для сдерживания воинственных афганцев. Однако при этом не учитывался тот факт, что в своих расчетах вице-король исходил больше из прошлых оценок и личных ожиданий, чем из реального видения ситуации.

Еще осенью 1914 г. в боевую готовность были приведены три дивизии на северо-западной границе Индии. Как писал позже в мемуарах сам Ч. Гардинг, он принял такое решение, поскольку “понимал, что с началом войны в Европе, эмир будет подвержен сильному нажиму со стороны мулл и племен, которые захотят использовать благоприятную возможность, чтобы напасть на нас” [21]. Впрочем, кардинального изменения в ход событий предпринятые меры не внесли, и уже к концу 1914 г., по признанию вице-короля, “обстановка на границе...внушала серьезное беспокойство” [22]. Тем не менее, он довольно хладнокровно следил за участившимися нападениями пуштунов на британские гарнизоны, полагаясь на обещания эмира. “Я всегда преуспевал в поддержании дружеских отношений с правителем Афганистана...и был уверен в его лояльности” [23], - написал Ч. Гардинг после войны.

Однако личная расположность Хабибуллы-хана и его готовность соблюдать нейтралитет еще не гарантировали того, что население и афганские политические круги займут аналогичную позицию. Российский генконсул в Калькутте по этому поводу осторожно заметил: “Афганистан лишь по имени - политическое целое... Кабул не всегда может направлять и контролировать то, что происходит на окраинах” [24]. Именно данное обстоятельство британские власти оставили практически без внимания, положившись по сути дела только на благоразумие эмира, и этот взгляд они потом навязывали царским дипломатам.

Таким образом, с начала войны и вплоть до середины 1915 г. союзники по Антанте не смогли скординировать свои действия в отношении Афганистана. Английская сторона защищала, прежде всего, собственные интересы, стремясь не дать России повода вмешаться в его дела. Лишь когда создалась непосредственная угроза проникновения в Афганистан немецких вооруженных отрядов, российские и британские власти осознали необходимость налаживания более тесного сотрудничества.

Германские военно-политические круги испытывали особый интерес к Афганистану как к стране, граничившей с британскими владениями в Индии.

Непосредственную подготовку к проведению там специальных операций в условиях войны они начали уже в середине августа 1914 г., решив склонить эмира к выступлению против Англии. Одновременно планировалось осуществлять с афганской территории диверсии в русском Туркестане, Западном Китае, Персии и оказывать постоянную помощь пуштунским племенам. Все это, по расчетам Берлина, заставило бы Великобританию и Россию, как минимум, сохранять присутствие в Индии и Средней Азии значительного количества войск, что облегчило бы положение германских армий на европейском театре военных действий.

Организовать проникновение своих агентов в Афганистан немецкое правительство решило с помощью военного министра Турции Энвера-паши. Он сообщил, что в Кабул из Стамбула направляется военно-дипломатическая миссия и предложил включить в ее состав несколько кайзеровских офицеров. Министр иностранных дел Германии Т. Бетман-Гольвег и начальник Генерального штаба Г. Мольтке поддержали эту идею, однако всем военнослужащим, выделенным для участия в турецкой экспедиции, было приказано выполнять указания только германского военного руководства.

В начале сентября 1914 г. в Стамбул прибыли 23 немецких офицера возглавляемых В. Вассмусом, а в декабре еще 25 во главе с О. Нидермайером [25]. К середине января 1915 г. обе группы сосредоточились в Багдаде, где уже находился турецкий отряд полковника Рауф-бея. Начались заключительные приготовления к переходу в Афганистан: формировались отдельные группы, определялись маршруты движения, уточнялись полномочия. Относительно последнего между В. Вассмусом и О. Нидермайером, с одной стороны, и Рауф-беем, с другой, выявились серьезные разногласия. Как писал советский исследователь П.И. Хотеев, германские военные претендовали на лидерство и не желали подчиняться приказам турецкого командования. В итоге они добились права действовать самостоятельно и в конце марта выехали в Исфахан [26].

В это время в Берлине рассматривался вопрос об усилении экспедиции В. Вассмуса и О. Нидермайера. Решено было направить вместе с ней в Афганистан политическую миссию под руководством В. фон Хентига, бывшего секретаря германского посольства в Тегеране. Он имел полномочия на ведение официальных переговоров с Хабибуллох-ханом и установление дипломатических отношений между Германией и Афганистаном [27]. В состав миссии вошли индийские политические эмигранты Махендра Пратап и Маулана Баракатулла, через которых планировалось наладить контакты с антибританскими организациями в Индии, двое выходцев из Бунера (прибыли в Германию из США) и несколько десятков военнопленных - бывших солдат английской армии, пуштунов по этнической принадлежности. С их помощью немецкие представители должны были связаться с племенами на индийской северо-западной границе [28].

10 апреля 1915 г. группа покинула Берлин. Проникнуть в Афганистан она должна была с территории Персии, совместно с другими германскими отрядами, но прежде В. фон Хентиг и М. Пратап побывали в Стамбуле, где обсудили вопросы взаимодействия с турецкими властями. Они встречались с султаном Мехметом V, премьер-министром Хильми-пашой, министром иностранных дел Талаат-пашой, получив от них сопроводительные письма к афганскому эмиру. Однако эти встречи являлись по существу формальными. Более деловой характер имела беседа с Энвер-пашой. По его распоряжению в состав немецкой экспедиции был включен турецкий офицер Казем-бек, кроме того, В. фон Хентиг получил гарантии предоставления любой необходимой помощи [29].

Договорившись обо всем этом, миссия выехала в Багдад, а оттуда через Ханекин и Керманшах прибыла в Исфахан. Здесь находился главный пункт сбора германских отрядов, направлявшихся в Афганистан. Они планировали быстро и незаметно пересечь центральные районы Персии и достичь Герата. Сделать это при хорошей подготовке и согласованности действий было не трудно. Шахские власти не мешали немцам, а порой даже поддерживали их. То

же самое можно сказать и о шведских офицерах персидской жандармерии. Наконец, самое главное - Россия и Англия не располагали в это время на территории Персии силами, способными дать решительный отпор или хотя бы создать серьезные препятствия на пути продвижения германцев. С весны до середины лета 1915 г. противодействовать усилению их активности должны были российские и британские дипломаты, опираясь на незначительные воинские команды, состоявшие при дипломатических представительствах. Более крупные армейские подразделения стояли на севере и юге страны, но они имели свои задачи и не могли взять под контроль еще и центральные провинции Персии.

Таким образом, когда 16 июня 1915 г. первая партия немецких офицеров во главе с Г. Вагнером и В. Пашеном двинулась из Исфахана к афганской границе, путь ей был по-существу открыт. К тому же в этот момент ни российские, ни британские власти еще не знали о конечной цели германского предприятия. 1 июля С.Д. Сазонов телеграфировал послу в Тегеране Н.С. Эттеру: “Беспрестанные отправления в Исфагань [Исфахан - К.С.] немецких офицеров, оружия, пулеметов и снарядов начинают приобретать тревожные размеры... Дело начинает иметь характер приготовления целой вооруженной экспедиции... Не уясню себе, какую цель могут преследовать немцы” [30].

А тем временем к рубежам Афганистана двинулись еще несколько германских отрядов, возглавляемых Фохтом, Цугмайером, Зейлером, В. Вассмусом, О. Нидермайером, Грейзингером. Генеральный консул в Мешхеде, консул в Торбете-Хайдерие и вице-консул в Бирдженде сообщили Н.С. Эттеру примерные маршруты их движения (“на Мешхед, Хаф, Керман”), после чего тот проинформировал С.Д. Сазонова, что немецкие караваны стремятся “приблизиться к нашей [российской - К.С.], афганской и белуджистанской границам” [31]. Аналогичные сведения сообщил вице-королю Индии и британский посол в Тегеране.

Принимать ответные меры теперь следовало без промедления. И это действительно было сделано, но в недостаточных масштабах. Ни российские,

ни английские дипломаты в Персии, не говоря уже об официальных властях России и Великобритании, вплоть до 8-10 июля не имели ясного представления о происходящем. Поэтому и первые их решения нисколько не уменьшили угрозу прорыва немецкой экспедиции в Афганистан. К примеру, генконсул Мешхеде Н. Никольский, не обладая достаточными сведениями о численности и вооружении германских отрядов, продвигавшихся от Исфахана на Тебес, просил Н.С. Эттера поручить ему с группой казаков арестовать их [32], а товарищ министра иностранных дел России А.А. Нератов в этой же ситуации приказал генералу Ф.В. Мартсону направить в Хаф казачий отряд в составе всего лишь 25 человек [33].

Примерно так же происходящее оценивали и англо-индийские власти: 5 июля Ч. Гардинг запросил мнение британского посла в Тегеране о целесообразности установления на восточной границе Персии “военной охраны” (вместо того, чтобы сделать это немедленно) и советовал пока действовать самостоятельно [34].

В последующие дни обе стороны внимательно отслеживали ситуацию, анализировали ранее полученные сведения о настроениях в Афганистане и пришли к выводу, что необходимо любой ценой воспрепятствовать проникновению германских и турецких эмиссаров на его территорию. Англо-индийские власти склонялись уже к самому неблагоприятному варианту развития событий. 10 июля Н.С. Эттер сообщил С.Д. Сазонову о том, что вице-король Индии допускает возможность начала “в ближайшем будущем широких военных действий на афганской границе и в Белуджистане” [35]. Российский министр иностранных дел также опасался этого. “Если немецкие караваны дойдут до Афганистана..., останется очень мало надежды на то, чтобы афганцы не вмешались в войну” [36], - писал он начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу Н.Н. Янушкевичу.

Успех для союзников по Антанте теперь во многом зависел от того, как скоро они договорятся о совместных действиях против германских отрядов на подступах к Афганистану и смогут ли за весьма ограниченное время

реализовать свои планы. Это поняли и в Петрограде, и в Лондоне. 13 июля С.Д. Сазонов направил министру иностранных дел Великобритании Э. Грею телеграмму, в которой, кратко обрисовав ситуацию, предложил объединить усилия для поимки немецких офицеров [37]. Глава Форин офиса обратился к Ч. Гардингу, и тот через К.Д. Набокова сообщил российской стороне план захвата кайзеровских агентов. Английские власти обязались прикрыть войсками Сеистан и персидско-белуджистанскую границу, а российские - должны были взять под контроль линию Мешхед - Торбете-Хейдерие - Бирдженд, причем специально оговаривалось, что "ради достижения общей цели", военные могут "не слишком придерживаться границы "сфер влияния" [38]. Эти предложения были с готовностью приняты в Петрограде, и уже 19 июля С.Д. Сазонов проинформировал о них Н.С. Эттера и генерала Ф.В. Мартсона.

К тому времени российские и британские представители в Персии уже обладали новой информацией о передвижении германских вооруженных отрядов. Стало известно о прибытии одного из них в Тебес [39], а другого в Гунабад [40]. Н. Никольский решил, не медля, использовать против них имевшийся в его распоряжении 2-й Семиреченский казачий полк. Большую его часть он оставил пока в Мешхеде на случай появления там немецкого каравана, а одну сотню во главе с подъесаулом Бедаревым направил патрулировать дорогу на Торбете-Хейдерие. Сделано это было им еще 17 июля, до получения официального распоряжения о прикрытии афганской границы. Далее Н. Никольский приказал полковнику Куликову, командиру 2-го Семиреченского полка, выделить полусотню для занятия самого города Торбете-Хейдерие. Благодаря столь оперативным действиям, отряд в составе 68 казаков под командой поручика Бортникова прибыл туда уже 25 июля [41]. Хотя это был и слабый заслон, но на большее с имевшимися силами рассчитывать пока не приходилось.

Между тем британское правительство просило царские власти как можно быстрее взять под наблюдение всю территорию между Мешхедом и Бирджендом и даже направить войска в Керман. Русское военное командование

и само понимало, что к персидско-афганской границе необходимо срочно направить дополнительные силы. 23 июля генерал-губернатор Туркестана телеграфировал С.Д. Сазонову, что численность немецких военнослужащих в районе Тебеса и Гунабада составляет 500 человек, а значит полутора сотен казаков, высланных против них из Мешхеда Н. Никольским, явно недостаточно [42]. Для задержания германских военных караванов Ф.В. Мартсон направил из резерва дополнительно 1-й Семиреченский полк, отметив, при этом, что большего для Персии выделить не может. По расчетам штаба Туркестанского военного округа, общая численность российских войск в Хорасане после прибытия подкреплений должна была составить 1000 человек. Считалось, что этого будет “вполне достаточно для полной гарантии успеха” [43].

26 июля 1-й Семиреченский казачий полк под командованием полковника Гущина начал переброску из Ашхабада в Мешхед. Однако обстановка в афганском приграничье складывалась так, что даже при самом быстром темпе движения, его подразделения не могли своевременно приступить к выполнению поставленной задачи. Да и сама она была слишком уж серьезной для не столь многочисленного воинского контингента. Отряду в 1000 человек предстояло контролировать полосу от Мешхеда до Бирдженда протяженностью в 450 км.

Проблематичность успеха стала ясна российским властям уже к концу июля. 24-го вице-консул В.С. Романовский доложил Н.С. Эттеру о прибытии немецкого отряда в Каин и попросил как можно скорее прислать казаков для поддержки [44], но полк Гущина, предназначенный как раз для этого, находился еще в Ашхабаде. Оставалась единственная возможность - направить в район Каин - Бирдженд сотню подъесаула Бедарева. Генерал Ф.В. Мартсон распорядился об этом, хотя и понимал: выделенных сил не хватит даже для того, чтобы задержать немецкие вооруженные отряды до подхода основных сил 1-го Семиреченского полка [45]. В.С. Романовский еще надеялся на помощь англо-индийских войск, но первые британские части перешли персидско-

белуджистанскую границу только в ночь с 30 на 31 июля, да и ориентировались они, главным образом, на территорию южнее Бирдженда [46].

Таким образом, недостаток войск и слабая организованность действий в очередной раз подвели Россию и Великобританию. В нужный момент они не смогли остановить германские военные отряды, двигавшиеся в Афганистан. Когда 30 июля отряду Бедарева все-таки удалось окружить группы Г. Вагнера и В. Пашена в Каине, поддержать казаков было некому. Весь день они перестреливались с противником, а ночью немцы вырвались из кольца (под командой у Бедарева на тот момент осталось лишь 60 человек) и ушли в сторону Туна. “В виду неясности данных разведки” [47], их не преследовали. Так уже в первых числах августа Г. Вагнер и В. Пашен оказались на афганской территории.

Руководители германской экспедиции О. Нидермайер и В. фон Хентиг, а также находившиеся вместе с ними индийцы и турецкий офицер Казем-бек были обнаружены 15 августа близ селения Рушинабад разъездом сотника Байкова из 2-го Семиреченского казачьего полка. Вместе с В.С. Романовским он попытался захватить эту партию, но безуспешно. Вице-консул в Бирдженде позже доложил Н. Никольскому: “Преследование шло по следам шайки, опередившей нас на полтора суток и крайне спешно двигавшейся к Афганистану. Догнать их... не представлялось возможным; преследование остановилось в деревне Тахтаван в 50-ти верстах от границы” [48]. Группа О. Нидермайера пересекла ее в ночь с 19 на 20 августа.

Успеху немцев в немалой степени способствовали умелые действия по дезинформации российского и британского командования. Двигаясь по территории Персии, они распространяли ложные слухи о своем намерении пройти в Афганистан через Мешхед в расчете на то, что главные силы, выделенные для их поимки, будут стянуты именно туда. Так и случилось в действительности. Казаки 1-го Семиреченского полка к 6 августа сосредоточились между Мешхедом и Торбете-Хейдерие, а далее к югу вплоть до Бирдженда афганскую границу прикрывали лишь слабые заслоны кавалерии.

По сути дела незащищенной оставалась и английская зона ответственности. Королевская пехота заняла наиболее важные пункты Сеистана, но наблюдение за дорогами почти не вела, поэтому уже после прорыва в Афганистан отрядов В. Пашена, Г. Вагнера и О. Нидермайера туда проникла группа Зейлера (через Шираз и Керман).

Для России и Великобритании положение оставалось невыгодным и далее. Когда в начале сентября появились данные о возможности новых германских провокаций на персидско-афганской границе, отряд полковника Гущина насчитывал, не считая больных, 450 человек [49]. Естественно, что должным образом прикрыть линию Мешхед - Бирдженд они не могли.

Таким образом, с началом Первой мировой войны роль Афганистана в международных делах значительно изменилась. Германия и Турция решили использовать его в своей борьбе против Англии и России. Опасность вовлечения Афганистана в боевые действия была и без того велика. Население и почти вся правящая верхушка выступали против политики нейтралитета, которую проводил эмир Хабибулла-хан.

В августе 1915 г. на афганской территории оказалась военно-дипломатическая миссия О. Нидермайера и В. фон Хентига. Это стало возможно из-за несогласованности действий России и Великобритании. Английские власти, несмотря на угрозу выступления афганцев в поддержку Германии и Турции, не желали обсуждать с царским правительством эту проблему. До лета 1915 г. они полагались лишь на свои возможности, да на дружбу с эмиром. В результате, когда немецкие отряды оказались у границ Афганистана, организовать им серьезный отпор не удалось.

Глава 4.

Германская миссия в Афганистане в годы Первой мировой войны

О прорыве немецких вооруженных отрядов во главе с О. Нидермайером и В. фон Хентигом на афганскую территорию стало известно в Лондоне и Петрограде уже в августе 1915 г. Союзникам по Антанте в связи с этим потребовалось выработать новую линию поведения в отношениях с афганским эмиром Хабибуллоханом. Следовало учесть многие факторы, влиявшие на позицию Кабула и, в первую очередь, готовность самого правителя сохранять мирные отношения с могущественными соседями.

Английское правительство решило потребовать от афганской стороны немедленной выдачи всех представителей Германии, но вице-король Индии Ч. Гардинг убедил свое руководство поступить иначе. Ему представлялось нежелательным любое резкое высказывание в адрес кабульского правителя, и потому он настоял на сохранении прежнего характера взаимоотношений с ним. “Чем чаще эмиру будет внушаемо, что на него... смотрят как на “ monarха”, слову которого верят, тем вернее можно рассчитывать на его лояльность”, - полагал Ч. Гардинг [1]. Вице-король направил Хабибулле-хану письмо, в котором дал понять, что знает и о точной численности немецкого вооруженного отряда и о его целях, но, вместе с тем, высказал уверенность, что эмир теперь “докажет на деле искренность многократных обещаний своих сохранить строгий нейтралитет”. Чтобы убедить афганского правителя в правильности занятой им позиции, вице-король сообщил ему о ходе боевых действий на фронтах. Смысл рассуждений главы англо-индийской колониальной администрации свелся к следующему: хотя германские войска и сражаются на территории противника, Великобритания и Россия не сомневаются в том, что успех этот временный, а потому любые враждебные действия против них будут гибельны для Афганистана [2].

Эмир ответил так, как и ожидал Ч. Гардинг. “Никогда еще вооруженным отрядам иностранцев не разрешалось свободно путешествовать по Афганистану”, - написал он и пообещал, что все германские офицеры в скором времени будут обезоружены и задержаны [3]. Генеральный консул России в Калькутте К. Д. Набоков, который был в курсе секретной переписки англо-индийских властей с эмиром [4], сообщил министру иностранных дел С. Д. Сазонову, что, с точки зрения вице-короля Индии, Хабибулла-хан “вполне отдает себе отчет в обязательствах, налагаемых на него нейтралитетом” [5].

Последующие события как будто подтверждали эту мысль. 17 сентября Ч. Гардинг получил от эмира ответное письмо, где сообщалось о поимке “германской шайки, которая... под конвоем направлена в Кабул” и будет “приведена к ответу... за проникновение на афганскую территорию” [6]. В Лондоне и Петрограде сделали вывод: Хабибулла-хан ручается, что немецкие происки в Афганистане обречены на провал. Вице-король еще более утвердился во мнении, что необходимо избегать резких шагов, при каждом удобном случае убеждая эмира, что британские власти ему верят и действительно готовы общаться с ним как с равным политиком.

Новое послание афганскому правителю было решено направить лично от британского короля. 24 сентября 1915 г. Георг V обратился к Хабибулле-хану. “Мой дорогой друг, - писал он, - я был удовлетворен, узнав... насколько добросовестно сохраняете Вы ту позицию, о которой заявили в начале войны”. Далее говорилось, что принятое эмиром решение принесет пользу “как Афганистану, так и всему исламскому миру” и выражалась уверенность, что Хабибулла-хан будет придерживаться нейтралитета “до победы союзных армий”. В заключение король еще раз поблагодарил эмира за дружбу, признавшись, что высоко ее оценивает [7].

Очередное послание эмир получил и от Ч. Гардинга. В нем речь шла об увеличении ежегодной субсидии на 2 лакха (200.000) рупий до 1.800.000 [8]. Таким образом, английское правительство пыталось морально поддержать афганского правителя и одновременно материально заинтересовать его в

дальнейшем развитии двусторонних отношений. Вице-король сам был уверен и убедил К. Д. Набокова в том, что такая политика является единственно верной. Однако вскоре и у британских, и у российских властей появились серьезные сомнения на этот счет.

В планируемое время эмир не ответил на письмо короля. Однако если этот факт еще можно было трактовать по-разному и надеяться в итоге на благоприятный исход, то полученные в конце сентября сведения о приеме германской миссии в Герате однозначно свидетельствовали о том, что происходящее в Афганистане таит в себе огромную опасность.

По данным английского генерального консула в Мешхеде полковника Г. Хэйга немецкие офицеры прибыли в Герат 24 августа и были размещены за городом во дворце Баге-Шах. 26 августа их посетил губернатор гератской провинции Мухаммад Сервер-хан, которому они предъявили документы с призывом к джихаду, подписанные турецким султаном, и объявили, что Германия поможет Афганистану оружием и войсками, а после войны настоит на передаче ему Туркестана до Самарканда и Индии до Бомбея. 7 сентября по приказу эмира германская миссия была направлена в Кабул [9].

Аналогичные сведения о первых неделях пребывания германских представителей в Афганистане получили по своим каналам и царские дипломаты, но, поскольку они еще не знали о письме Георга V Хабибулле-хану и об увеличении тому ежегодной субсидии, они и отреагировали на все гораздо серьезнее англичан. Так, генеральный консул России в Мешхеде Н. Никольский, узнав о появлении немецких эмиссаров в Герате, сделал вывод, что эмир “не хочет открыто стать на сторону России и Англии”, напротив, “заверяя индийское правительство в своем твердом решении сохранять нейтралитет”, он лишь “выжидает решительных военных действий в Европе” [10].

Англо-индийское руководство через некоторое время тоже забило тревогу. По меткому определению Р. Стюарт, “вице-король ожидал благодарности эмира..., а ее не последовало” [11]. В конце октября, беседуя с К. Д. Набоковым,

секретарь вице-короля по иностранным делам А. Грант заметил, что истинная позиция Хабибуллы-хана в отношении немецких представителей “заставляет сомневаться в искренности его обещаний” [12].

Миссия О. Нидермайера и В. фон Хентига к тому времени уже находилась в Кабуле. Правда, эмир не спешил встречаться с германо-турецкими эмиссарами. Они прибыли в афганскую столицу 2 октября. Их тепло встретили представители турецкой общины Кабула, был даже выстроен почетный караул из солдат столичного гарнизона во главе с полковником Хайри-беем, соратником Энвера-паши по Триполитанской кампании. Однако ни сам Хабибулла-хан, ни кто-либо из представителей правящей династии не появился, чтобы приветствовать германских офицеров и приехавших с ними индийцев [13].

Всех их разместили в загородном дворце Баги-Бабур, и около месяца они находились там под охраной в почти полной изоляции [14]. Индийский националист М. Пратап, прибывший в Кабул в составе германской миссии, позже написал, что он и его спутники оказались в положении государственных преступников [15]. Все это время О. Нидермайер добивался встречи с эмиром. Еще по прибытии в Кабул он написал ему письмо, но ответа не последовало. Дабы покончить с неопределенностью, немцы и индийцы пообещали начать голодовку [16]. Лишь после этого Хабибулла-хан принял их.

Аудиенция состоялась 26 октября в резиденции эмира в Пагмане. Германскую военно-дипломатическую миссию представляли О. Нидермайер, В. фон Хентиг, турецкий офицер Казем-бей, индийские революционеры М. Пратап и М. Баракатулла. С афганской стороны присутствовали Хабибулла-хан, его брат Насрулла-хан, сыновья эмира Инаятулла-хан и Аманулла-хан, а также отец главнокомандующего афганской армией генерала Надир-хана Мухаммад Юсуф-хан. Прибывшие вручили Хабибулле-хану послания от германского императора Вильгельма II, турецкого султана Мехмета V, канцлера Германии Т. Бетман-Гольвега и военного министра Турции Энвера-паши. Затем началась беседа. Эмир заявил, что смотрит на иностранных

представителей как на торговцев, которые должны предложить ему свои товары, а он выберет из них то, что ему понравится [17]. О. Нидермайер и В. фон Хентиг в ответ перечислили основные цели своего приезда в Афганистан. На этом первая встреча закончилась.

Далее Хабибулла-хан принимал руководителей миссии по отдельности. Первыми аудиенции удостоились М. Пратап и М. Баракатулла, на другой день - О. Нидермайер и В. фон Хентиг, а еще через некоторое время капитан Казембейя. Индийцы подняли вопрос о своих соотечественниках, бежавших в Афганистан от английского преследования. Среди них был назван Убайдулла Синдхи, прибывший в Кабул в августе 1915 г. и задержанный здесь афганскими властями. М. Пратап и М. Баракатулла просили отпустить его. Эмир согласился [18].

Встреча Хабибуллы-хана с немецкими представителями оказалась менее результативной. О. Нидермайер доложил о ее итогах германскому послу в Тегеране (сообщение было перехвачено усилиями русской агентуры), указав, что “объяснения эмира не внушают больших надежд”. Впрочем, с его точки зрения, возможность вовлечения Афганистана в войну еще оставалась. Для этого он просил направить в Кабул “тысячу турок с пулеметами” и часть своей экспедиции, которая находилась в Персии. Вместе с тем, О. Нидермайер намекал на необходимость устранения Хабибуллы-хана. “Быть может, потребуется предварительно внутренний переворот”, - написал он [19].

С Казем-беем эмир обсудил послание Энвера-паши. Турецкий военный министр обратился к Хабибулле-хану с призывом присоединиться к джихаду, объявленному султаном, позволить мусульманским священнослужителям ведение открытой пропаганды “священной войны” и разорвать отношения с Англией. Отдельно стоял вопрос: разрешит ли эмир турецким войскам проследовать через Афганистан к индийской границе? Хабибулла-хан ответил по каждому из этих пунктов:

1. Поддержать призыв к джихаду он не может, поскольку ранее заявил о своем нейтралитете в войне.

2. Разрыв отношений с Англией пока “представляется нежелательным”.
3. “Муллы могут делать то, что считают нужным вне афганских пределов”.
4. “Не будет предпринято никаких попыток остановить турецкую армию, но афганцы не смогут помочь ее снабжению” [20].

Таким образом, первые встречи представителей Германии и Турции с эмиром ясно показали, что он далек от мысли вступить в войну против Великобритании и России. Сохранение нейтралитета являлось для него пока самой главной задачей.

4 ноября Хабибулла-хан возвратился в Кабул и здесь еще несколько раз принимал О. Нидермайера, В. фон Хентига и Казем-бэя. Беседы носили теперь более конкретный характер. От имени центральных держав Афганистану была обещана значительная военная помощь и 12 лакхов (1.200.000) рупий ежегодной субсидии. От эмира требовалось лишь “начать подготовку к войне”. Однако он не спешил. Один из офицеров миссии О. Нидермайера - Зейлер – записал в дневнике: Хабибулла-хан “нерешителен”, “постоянно твердит о своем нейтралитете и... дружбе с Англией” [21]. По словам В. Пашена, находившегося в Герате, О. Нидермайер писал ему, что эмир почти не поддается на уговоры, но и не отпускает миссию из Кабула, заявляя, что, если “обстоятельства изменятся и Афганистан вступит в войну, германские офицеры ему понадобятся” [22].

Далее все изменилось. К концу декабря Хабибулла-хан на время отказался от личных контактов с посланцами кайзера. Все вопросы с ними теперь обсуждали Насрулла-хан, Инаятулла-хан и Аманулла-хан. Сам же правитель пошел на сближение с Великобританией. Он встретился с представителем вице-короля в Кабуле Сайфулло-ханом и объяснил ему свою позицию. “Значительное ухудшение англо-афганских отношений, - сказал он, - связано с войной, и я понимаю, что любые мои колебания будут порождать сомнения и беспокойство у британского правительства... или закрепят за мной образ безбожника и еретика в глазах моих подданных и их единоверцев на границе... [Однако - К.С.], - продолжил эмир, - Вы должны сообщить Вашему

правительству, что я его верный друг и буду поддерживать нейтралитет до тех пор, пока не возникнет угроза... афганским интересам” [23].

И все же, несмотря на данные им гарантии Хабибулла-хан, не отказывался от возможности договориться и с представителями Германии. Миссия О. Нидермайера и В. фон Хентига оставалась в Кабуле. Подобные “расхождения между обещаниями эмира англичанам и фактическими его действиями” П. И. Хотеев объяснил “нерешительностью эмира” [24]. По мнению этого исследователя, Хабибулле-хану приходилось учитывать требования своего брата Насруллы-хана, быстро нашедшего общий язык с посланцами Вильгельма II, а также опиравшегося на поддержку большинства населения страны и многих высших сановников [25]. За ним стояли: военный министр генерал Надир-хан, министр финансов (мустоуфи уль-мамалек) Мирза Мухаммад-Хусейн, редактор газеты “Сирадж уль-Ахбар” Махмуд Тарзи, сыновья эмира. Хабибулла-хан, со своей стороны, мог положиться только на немногих личных советников, да на главу правительства Абдул Куддус-хана.

Однако П. И. Хотеев, на наш взгляд, преувеличил степень разногласий между двумя группировками в афганском политическом руководстве и их лидерами. На самом деле и те, и другие защищали национальные интересы страны, пытаясь использовать все выгоды создавшегося положения. При единой цели они лишь по-разному смотрели на пути ее достижения, но это различие было не принципиальным. И когда Насрулла-хан со своей давней неприязнью к англичанам призывал объявить им войну, приняв помощь от Германии и Турции, эмир едва ли считал его взгляды ошибочными. Вместе с тем, он не хотел упускать и тех преимуществ, которые открывались перед Афганистаном в виду явной заинтересованности Великобритании в сохранении им нейтралитета. Довольно точно о политической позиции Хабибуллы-хана, как нам представляется, написал в своих воспоминаниях Э. Рыбичка, австрийский офицер, в 1915 г. бежавший в Афганистан из русского плена и находившийся там несколько лет. По его словам, этот “государственный делец и лукавый политик хотел, не ставя себя в опасное положение, извлечь для своей

пользы из создавшейся ситуации все, что будет только возможно” [26]. Очевидно, Хабибулла-хан договорился с братом о совместных действиях, но при этом каждый должен был “работать” по своему плану.

В конце декабря эмир направил ответные письма британскому императору и вице-королю Индии. Георгу V он обещал сохранять строгий нейтралитет, а у Ч. Гардинга потребовал значительного увеличения субсидии. Предложенные ему 2 лакха рупий он считал недостаточной прибавкой [27]. Еще через некоторое время наступил перелом и на переговорах в Кабуле. Насрулла-хан договорился с О. Нидермайером и В. фон Хентигом о налаживании широкого сотрудничества между Афганистаном и государствами Тройственного союза. Однако руководители немецкой миссии так и не склонили афганское руководство к военному выступлению против Англии и России. Когда они в очередной раз подняли этот вопрос, Насрулла-хан заявил, что прежде следует заключить специальный договор, где были бы зафиксированы взаимные обязательства сторон и размеры германской помощи Афганистану. О. Нидермайер и В. фон Хентиг, видя, что никакие аргументы уже не подействуют, пошли ему навстречу. Но, поскольку они не имели необходимых полномочий, между Германией и Афганистаном 24 января 1916 г. был подписан проект договора, который подлежал дальнейшему утверждению в Берлине [28].

Документ состоял из преамбулы и десяти статей. Германия признавала независимость Афганистана и обязывалась:

- а) добиться аналогичного признания от правительства Австро-Венгрии и Болгарии;
- б) предоставить Афганистану “как можно быстрее” 100.000 винтовок новейшего образца, 300 орудий “больших и малых”, “другие военные материалы” и “10 миллионов фунтов”;
- в) направить эмиру через Персию военных специалистов;
- г) содействовать Афганистану в территориальных приобретениях.

Афганское правительство заявляло о своей “полной независимости и политической свободе” и также обязывалось:

- а) немедленно приступить к совершенствованию вооруженных сил;
- б) направить представителя в Тегеран для ведения секретных переговоров с представителями Германии, Турции и Австро-Венгрии;
- в) после войны принять участие в мирной конференции [29].

О. Нидермайер и В. фон Хентиг высоко оценили результаты подписанного соглашения, но считали, что это только первый шаг к решению поставленной задачи. Вступления Афганистана в войну, сообщили они в Берлин, можно ожидать уже в конце апреля, но для этого необходимо в короткий срок доставить в Кабул “большое количество винтовок, орудий и снаряжения”, а также “не менее 1 миллиона фунтов стерлингов”. Особенno О. Нидермайер настаивал на переброске в Афганистан хотя бы 10.000 солдат, “немцев или турок”. Тогда, по его мнению, можно было бы начать боевые действия “даже без поддержки эмира”. Судя по всему, германские агенты рассчитывали на стихийный подъем населения страны.

В этом же донесении О. Нидермайер подвел итоги работы миссии в Афганистане с октября 1915 по январь 1916 г.:

- 1) началась тайная мобилизация афганской армии;
- 2) ведется укрепление пограничной полосы на севере и юго-востоке Афганистана;
- 3) организуются побеги австрийских и германских военнопленных с территории русского Туркестана;
- 4) осуществляются нападения на английские транспортные суда с оружием и деньгами;
- 5) проводятся диверсии на промышленных предприятиях в Индии и Туркестане;
- 6) расширяется антибританская агитация в Индии [30].

Во всем этом афганские власти охотно помогали немцам, однако по вопросу о вступлении в войну они решили твердо придерживаться условий,

зафиксированных в проекте договора от 24 января. Беседуя с О. Нидермайером на следующий день после его подписания, эмир еще раз указал, что поддержит центральные державы, только когда “от 20 до 100 тысяч германских или турецких солдат прибудут в Афганистан” [31]. Иначе говоря, Хабибулла-хан готов был начать боевые действия против Англии и России лишь при полной уверенности в успехе. Пока же он встретился представителем вице-короля Сайфуллой-ханом и заявил ему о намерении сохранять нейтралитет и созвать в ближайшее время дурбар (совет знати при монархе), чтобы официально объявить об этом решении [32].

Дурбар состоялся 11 февраля. Эмир выступил на нем с речью о необходимости единения народа и правительства. “Пример Персии, - подчеркнул он, - должен служить показателем тех бед, которым подвергается страна из-за внутренних раздоров и разногласий” [33]. Хабибулла-хан не случайно обратился к собравшимся с подобным заявлением. После подписания договора с германской миссией ему необходимо было объявить о своем видении перспектив развития страны. Следующим шагом в этом направлении стал фирманс (указ) эмира, в котором говорилось о грандиозных масштабах ведущейся войны и необходимости для Афганистана “спокойно выждать события и быть готовыми дать отпор в случае нападения... какой-либо державы” [34]. Действительно, теперь Хабибулле-хану оставалось только внимательно следить за ходом боевых действий на фронтах мировой войны, чтобы в подходящий момент принять сторону победителя. Если турецкие войска разгромят британские части в Месопотамии и Персии и вступят в Афганистан, он мог смело поддержать Турцию и Германию. Если же армии России и Великобритании разбьют войска султана и кайзера, то козырем Хабибуллы-хана стал бы нейтралитет. Таким образом, эмира устраивал любой вариант развития событий.

Пока же ситуация оставалась неопределенной. В январе-феврале 1916 г. на Кавказском фронте русские войска успешно провели Эрзерумскую наступательную операцию, заняв Эрзерум, а в Персии - вступили в Исфahan,

Керманшах, а чуть позже и в Хамадан. Как доложил российскому послу в Тегеране Н. С. Эттеру Н. Никольский, “эти известия произвели значительное впечатление в Афганистане” [35]. Однако летом турецкие части нанесли ответный удар, вновь овладев Керманшахом и Хамаданом. В Месопотамии английская армия, наступавшая с сентября 1915 г. на Багдад, была остановлена в районе Кут-эль-Амарны в 80-100 км. от города и далее продвинуться не смогла [36]. Ч. Гардинг позже очень сожалел по этому поводу. “Ценность такого успеха как занятие Багдада была бы неоценимой для... поддержания британского престижа в... Афганистане”, - отмечал он [37].

В этих условиях Хабибулла-хан следовал ранее принятой тактике. Германская миссия, остававшаяся в Кабуле, стала для него удобным средством давления на англо-индийское правительство. Эмир решил добиться от него значительных уступок и, прежде всего, дальнейшего увеличения денежной субсидии. Уже к концу 1915 г. она выросла с 16 до 18 лакхов рупий, но Хабибулле-хану этого было мало, и он убеждал Ч. Гардинга в необходимости дальнейшего ее повышения. “Агитация за войну растет, симпатии населения на стороне Германии и Турции, а потому”, - писал эмир вице-королю, - “поддержание нейтралитета с каждым месяцем требует все больших расходов” [38]. При этом эмир не называл конкретную сумму, которую хотел бы получать, давая понять англо-индийским властям, что его позиция будет целиком зависеть от щедрости их предложения.

Ч. Гардинг, зная о немецких интригах в Афганистане и понимая, к каким последствиям они могут привести уже в ближайшем будущем, готов был оказать эмиру серьезную материальную помощь. По его мнению, необходимо было предпринять все возможное, чтобы не допустить выступления Афганистана, иначе, считал он, “мусульманское население не останется спокойным, и Индии грозят внутренние осложнения”, для преодоления которых “у правительства... недостаточно английских войск” [39]. Опасения вице-короля разделяли и члены его совета. Уже в январе 1916 г., как только стало известно о новых требованиях эмира, они планировали выплатить ему в

дополнение к ежегодной субсидии еще 15 лакхов рупий единовременно, но решили, что, скорее всего, и этой суммы будет недостаточно” [40]. В итоге эмир направил к вице-королю своего личного представителя для ведения переговоров, и к июню 1916 г. добился увеличения субсидии с 18 до 24 лакхов рупий в год. Взамен британские власти потребовали удалить из Афганистана “всех немецких агитаторов” [41].

Однако к тому времени военно-организационная, пропагандистская и политическая деятельность миссии О. Нидермайера в Кабуле приняла такие масштабы, что не могла быть остановлена в один момент, да это и не входило в планы эмира. Подписав проект соглашения с Германией, он продолжил сотрудничество с ее представителями. Более того, немцы действовали теперь совместно с военнослужащими австро-венгерской армии, бежавшими в Афганистан из русского плена. Хабибулла-хан поручил им реорганизацию своих войск. Германские и австрийские офицеры были назначены военными инспекторами и советниками в афганские воинские части. Дворец Баги-Бабур, где размещалась миссия, стал центром активной деятельности. Здесь был разработан полевой устав для афганской армии, напечатаны первые военные учебники на персидском языке. Тут же формировались образцовые отряды пехоты, пулеметные команды, штурмовые батальоны со значительным количеством немецких и австрийских унтер-офицеров и солдат.

Одновременно началась реорганизация артиллерии и унификация всей системы вооружений (Н. Равич, в начале 1920-х гг. - советский консул в Герате, видел результаты этой работы и высоко их оценивал. По его словам, “немцы сыграли решающую роль в деле превращения так называемой “афганской армии”... в боеспособные войска” [42]).

В горах, в районе Баги-Бабура, была установлена станция беспроволочного телеграфа, которая занималась перехватом радио и телеграфных сообщений англо-индийского правительства. К марта 1916 г. была налажена связь с пуштунскими племенами на северо-западной границе Индии. Лейтенант Руланд несколько раз выезжал в район Хайберского ущелья [43].

Помимо этого немцы пытались получить дополнительную помощь с территории Персии. Видимо, просьбы О. Нидермайера доходили до германского посла в Тегеране, и он знал о плане кабульской группы подготовить вступление Афганистана в войну к концу апреля. К этому сроку планировалось перебросить туда через персидскую границу дополнительное количество войск и оружия.

Уже в декабре 1915 г. немцы заняли Тебес [44]. Их активность была отмечена российским командованием. 25 января 1916 г. военный агент в Хорасане подполковник Л. Н. Скурат доложил в отдел генерал-квартирмейстера Генерального штаба, что германские агенты “начинают развивать свою деятельность с целью форсировать проход в Афганистан всей своей массой, соединить набранные и отчасти уже обученные ими отряды в Персии с войсками эмира”. По его мнению, следовало принять меры “быстрые и решительные” [45]. Л. Н. Скурата поддержал полковник Гущин, командовавший русскими войсками в Хорасане. Он информировал генерал-губернатора Туркестана Ф. В. Мартсона о попытках немцев “пробраться в Афганистан... из Кермана” [46]. Аналогичные сведения телеграфировал министру иностранных дел Н. Никольский. В итоге на усиление Хорасанского отряда были направлены Оренбургский кавалерийский полк и конноартиллерийская батарея [47]. Переброска оказалась своевременной. Во многом именно благодаря увеличению численности царских войск на афганско-персидской границе германская миссия в Кабуле в нужный момент не получила необходимой помощи и подкреплений.

Весной 1916 г. немцы предприняли еще одну чрезвычайно важную акцию. Они попытались договориться с царским правительством о совместных действиях против англичан. Посредником на переговорах должен был стать М. Пратап. Судя по всему, мысль о привлечении России на сторону Германии и Турции стала обсуждаться в Кабуле сразу после подписания проекта германо-афганского договора. М. Пратап отмечал в своих воспоминаниях, что именно он первым высказал ее эмиру. Хабибулла-хан поддержал это предложение и

поручил разработать детальный план его реализации Насрулле-хану [48]. Но даже если инициатива налаживания прямых контактов с российскими властями и принадлежала индийским эмигрантам, выступали они не только от своего имени.

21 марта в Ташкент прибыли посланцы М. Пратапа Самшир-сингх и Мирза Мухаммад Али-хан. Они вручили туркестанскому генерал-губернатору два послания. Одно ему лично, другое, выгравированное на золотой пластине, для передачи царю. Оба заявили, что являются представителями “раджи местности Хатрес Соединенных провинций”, “прибывшего в Кабул с немцами”, который “предлагает России оказать им помошь против Англии” [49]. Содержание доставленных писем подтверждало их слова. Обращаясь к Николаю II, М. Пратап написал, что считает Россию и Германию “истинными друзьями” Индии, и надеется, что “рознь” между ними “скоро уладится и они, объединившись, употребят все силы, чтобы опрокинуть жестокого узурпатора всего мира” - Англию [50].

Генерала Ф. В. Мартсона М. Пратап информировал о своих планах более подробно. Он признал, что получил помошь от германского кайзера и турецкого султана и теперь, находясь в Кабуле, ожидает поддержки от российского императора. “Сейчас наступил момент, которого никогда больше не будет”, - писал М. Пратап. “Афганистан... готов броситься в объятия России”, и ей следует воспользоваться этим, чтобы нанести удар Англии, своему “естественному сопернику в Азии”, а Германия и Турция поддержат Россию. Индиец открыто заявил о возможности “достижения взаимопонимания” с центральными державами, предложив, как “скромный друг германского и турецкого правительств”, свои посреднические услуги [51].

Царские власти не скрыли от союзников ни сам факт прибытия индийцев в Ташкент, ни суть их предложений. С. Д. Сазонов сразу же известил обо всем британского посла в Петрограде, а тот, в свою очередь, передал информацию в Лондон и далее она поступила к вице-королю. Ч. Гардинг в ответ потребовал ареста и выдачи посланцев М. Пратапа, ошибочно полагая, что один из них -

Мирза Мухаммад Али - начальник канцелярии эмира (отсюда следовало, что и сама поездка санкционирована Хабибуллоханом).

Однако в Петрограде и Ташкенте ситуацию оценили более спокойно. Ф.В. Мартсон еще при первой встрече с индийскими эмигрантами обещал им беспрепятственный выезд обратно в Афганистан. Кроме того, оба они предъявили афганские паспорта, а, следовательно, являлись подданными эмира, и генерал-губернатор Туркестана советовал С. Д. Сазонову “не подрывать доверие” правительства Хабибуллы-хана “такими мерами, как арест и выдача прибывших посланцев”. Министр иностранных дел поддержал его, о чем и было заявлено британской стороне [52].

Вскоре рассеялись подозрения англо-индийских властей относительно личности Мирзы Мухаммада Али. 27 апреля генеральный консул России в Калькутте Р. А. Лисовский сообщил начальнику III политического отдела МИД В. О. фон Клемму, что по новым данным начальником канцелярии эмира является Али Ахмад-хан, “находящийся ныне в Кабуле” [53]. Британское правительство еще настаивало на выдаче индийцев, но к тому времени они уже покинули Ташкент. В. О. фон Клемм телеграфировал Р. А. Лисовскому, что “генерал-губернатору [Туркестана - К.С.] разрешено было отпустить посланцев... во избежание нежелательного... обострения отношений с Афганистаном” [54]. Какого-либо официального ответа они не получили, но накануне отъезда с ними беседовал дипломатический чиновник при генерал-губернаторе Туркестана С. В. Чиркин, дав понять, что царское правительство сохранит союзнические отношения с Великобританией [55].

Таким образом, попытка склонить Россию к выступлению против Англии совместно с Германией, Турцией и Афганистаном, предпринятая весной 1916 г. индийскими политическими эмигрантами и представителями кайзера в Кабуле, оказалась безуспешной. Секретная сделка, которую они предложили российским властям, не состоялась [56].

Провал переговоров в Ташкенте стал еще одной неудачей германской миссии. В запланированные сроки ей не удалось организовать вступление

Афганистана в войну. Немецкие агенты сделали для этого все, что смогли, но их усилий оказалось недостаточно. П. И. Хотеев справедливо отмечал, что они “по существу... рассчитывали оказать воздействие на эмира посредством пустых обещаний”, а Хабибулле-хану требовалась реальная поддержка - войска, деньги и оружие [57]. Без этого выступление Афганистана не имело смысла. Афганская армия была бы раздавлена войсками Англии и России.

Понимая, что продолжать переговоры, не предлагая ничего нового, бесполезно, немецкие офицеры из экспедиции О. Нидермайера 21 мая 1916 г. покинули Кабул. Эмира это устраивало. Теперь он мог по праву получать назначеннную ему вице-королем субсидию в 2.400.000 рупий (“немецкие агитаторы”, как и настаивал Ч. Гардинг, были удалены из Афганистана) и ждать обещанной помощи от Германии и Турции (Насрулла-хан передал с О. Нидермайером письмо германскому канцлеру Т. Бетман-Гольвегу, в котором выразил надежду, что кайзеровское правительство выполнит все условия прелиминарного договора [58]). Вместе с тем, отъезд немецких представителей из Кабула не означал прекращения деятельности агентов Германии и Турции в Афганистане. Его пределы покинули только В. Пашен, В. фон Хентиг, О. Нидермайер и еще несколько офицеров, т.е. даже не весь первоначальный состав миссии. Г. Вагнер, Казем-бей, турецкие и австрийские военные, присоединившиеся к ней позже, остались. Им было поручено готовить восстания в русском Туркестане и полосе пуштунских племен на северо-западной границе Индии.

Советские историки по-разному оценивали итоги пребывания миссии О. Нидермайера и В. фон Хентига в Афганистане. Е. Вейт писал, что “она имела лишь частичный успех” [59]. П.И. Хотеев и М.А. Бабаходжаев считали ее деятельность безрезультатной, неудачной [60]. Н. Равич, напротив, указывал, что “немцам удалось выполнить все... задачи”, правда к тому моменту, “когда судьба... Германии уже была решена на западном фронте” [61]. Зарубежные авторы отмечали, что немецкая экспедиция не достигла своей главной цели. Афганистан остался нейтральным. Одни объясняли это “хитростью” и “игрой”

Хабибуллы-хана [62], другие его верностью соглашениям с Великобританией [63], третья тем, что “центральные державы проиграли войну” [64].

Однако почти никто из исследователей не коснулся вопроса о том, какой след в сознании кабульских правящих кругов оставили события Первой мировой войны, на фоне которых разворачивалась деятельность германской миссии. А это очень важно, ибо Афганистан в те годы впервые выступил непосредственным участником «большой» политики. Обозначившиеся, во многом благодаря германскому участию, изменения в его международном положении были с готовностью восприняты в Кабуле. Весной 1916 г. Хабибулла-хан написал Ч. Гардингу, что желает направить на мирную конференцию по итогам войны своего представителя, чтобы добиваться международного признания афганской независимости [65].

Таким образом, пребывание германской миссии в Кабуле было весьма результативным. Ей удалось сделать максимум возможного в тех условиях. Дальнейшие действия эмира зависели теперь во многом от военных успехов Германии и Турции.

Глава 5.

Великие державы и проблема политической самостоятельности Афганистана в 1916-1918 гг.

К лету 1916 г. ситуация в Афганистане еще более осложнилась. Немецкие, австрийские и турецкие военные, оставшиеся здесь после отъезда группы О. Нидермайера и В. фон Хентига, организовали восстания в русском Туркестане и полосе независимых племен. В это же время войска султана наступали на западе Персии, угрожая Тегерану и Исфахану. Их успехи могли подтолкнуть эмира к вступлению в войну, ибо он готов был поддержать любую из противоборствующих сторон в случае ее решительного успеха.

Подготовкой восстания в Туркестане занимался Вагнер. В начале июня 1916 г. он прибыл в Герат, где и развернул свою деятельность. Контакты с туркменами, проживавшими на российской территории, были наложены заранее. Еще в конце 1915 г. немцы с их помощью доставляли в Афганистан деньги и оружие [1]. В апреле-мае 1916 г. в Герате находился немецкий агент Хаджи Мухаммад Азим-хан, один из старейшин персидского племени теймури. Он вел переговоры с гератским губернатором Мухаммад Сервер-ханом об “объединении персидских теймури и русских туркмен с Афганистаном” [2]. Очевидно, речь шла о поддержке афганской стороной антироссийских выступлений на севере Персии и в Закаспийской области.

Теперь, с приездом германских и австрийских офицеров, Герат стал настоящей базой подготовки мятежа в Туркестане. Вагнер предполагал вслед за выступлением гражданского населения поднять восстание среди пленных немцев и австрийцев, работавших на постройке туннеля и железной дороги вблизи границы. Перебросив всех их в Афганистан, можно было значительно укрепить армию эмира и со временем перейти к более активным действиям. Реализацию этой части плана взял на себя Э. Рыбичка. Из Кабула его группа связалась с лагерями военнопленных, договорилась о маршрутах их движения к

границе, нашла проводников. Афганская пограничная стража была приведена в боевую готовность и проинструктирована соответствующим образом. О готовящихся событиях знал Насрулла-хан. Именно от него Э. Рыбичка получал необходимую помощь, в первую очередь, финансовую [3].

Тем временем Вагнер наладил широкую антироссийскую агитацию среди населения Туркестана. Его агенты распространяли огромное количество листовок и памфлетов с призывом выступить против царской администрации, поддержав сражающуюся Турцию. Генерал-губернатор Туркестана А.Н. Куропаткин, сменивший Ф.В. Мартсона, 23 июля 1916 г. записал в своем дневнике: “Эмиссары Германии работают во всю” [4]. Об этом же свидетельствовали данные генштаба англо-индийской армии. “Немецкие офицеры развернули пропагандистскую деятельность, подстрекая к мятежу мусульман Туркестана, особенно туркмен. Они посыпают своих агентов в Бухару, Чарджоу, Мерв, Самарканد, Ташкент и Катта-Курган”, - телеграфировал начальник генштаба вице-королю 20 июня 1916 г. [5].

Видимо, главную ставку Вагнер делал именно на туркменские племена. В Герате он встречался с их представителями, которые обещали поднять на восстание против русских 40 тыс. человек. Переговоры, однако, затянулись. Туркменские посланцы настаивали на непременной поддержке со стороны Афганистана, губернатор же Герата лично не мог дать подобных гарантий, а кабульские власти молчали, заняв, как это уже часто бывало, выжидательную позицию [6].

Вскоре события приняли более серьезный оборот. Под влиянием германской пропаганды население Туркестана выступило против царских властей, но это было стихийное выступление, принявшее значительно меньшие масштабы, чем те, на которые рассчитывали немцы. И все же волнения охватили значительные районы Сыр-Дарьинской, Ферганской, Семиреченской и Закаспийской областей. Непосредственным поводом к беспорядкам послужило Высочайшее повеление о привлечении местного населения к тыловым работам. Основные очаги восстания были быстро разгромлены. Уже 8

августа и.о. дипломатического чиновника при генерал-губернаторе Туркестана П.П. Секретарев сообщил Н.И. Никольскому: “В Бухаре полное спокойствие. Мятежные выступления в Джизакском уезде [район наиболее массовых выступлений - К.С.]... прекращены карательным отрядом” [7].

Но этим дело не закончилось. Туркестанские власти были твердо убеждены, что в произошедшем виновна афганская сторона. А.Н. Куропаткин в рапорте на имя командующего Кавказским фронтом великого князя Николая Николаевича отметил: “Характерным показателем враждебной нам агитации может служить тот факт, что взбунтовавшиеся туземцы Джизакского уезда... кричали, что... не хотят быть... русско-подданными, а хотят быть подданными “германа”, в чем им поможет Афганистан” [8]. Генерал-губернатор считал, что восстание было организовано в преддверии какой-то более крупной операции, чтобы дестабилизировать обстановку в тылу российских войск.

В Ташкент поступали сведения о военных приготовлениях на севере Афганистана, особенно в районе Герата [9]. Обстановку еще более накалил доклад начальника туркестанского охранного отделения. В начале августа он сообщил министру внутренних дел о том, что проживающие в Бухаре афганские купцы получили из Кабула письма “с требованием немедленно возвратиться в Афганистан ввиду предстоящего объявления последним войны России” [10].

Информацию о положении на границе встретили в Петрограде с тревогой. Министр иностранных дел Б.В. Штюрмер потребовал от посла в Лондоне А.К. Бенкендорфа и генеральных консулов в Мешхеде и Калькутте Н. Никольского и Р. Лисовского немедленно проверить ее, обратившись к представителям британского правительства. Однако английские власти в ответ на запросы царских дипломатов категорически отрицали какие-либо факты военных приготовлений в Афганистане [11]. Им по-прежнему было выгодно удерживать Россию в стороне от происходивших там событий.

Р.А. Лисовский ранее уже информировал старшего советника МИД В.О. фон Клемма о том, что англо-индийское правительство очень внимательно

следит за развитием российско-афганских отношений. Из разговоров с секретарем вице-короля по иностранным делам А. Грантом и офицерами штаба англо-индийской армии он заключил, что недопущение России к решению афганского вопроса по-прежнему является “одной из главных задач внешней политики Индии” [12].

События августа-сентября 1916 г. подтвердили правильность его выводов. Британские правящие круги всеми силами старались приуменьшить остроту имеющихся проблем, заявляя, что считают положение в Афганистане вполне удовлетворительным. Они даже пытались скрыть от своих союзников по Антанте тот факт, что германские и австрийские военные имеют непосредственное отношение к событиям, произошедшим в Туркестане. К примеру, А. Грант сообщил Р. Лисовскому, что “немцы рассеялись по Афганистану... с намерением при первой же возможности покинуть страну”, и это в тот момент, когда только в Кабуле находилось около 20 немецких, австрийских и турецких офицеров при 80 унтер-офицерах и солдатах [13]. Кроме того, новые германские отряды, как позже признал П. Сайкс, работавший в британском генеральном консульстве в Мешхеде, “просачивались” с территории Персии, направляясь в Герат [14].

Итак, российское руководство отлично представляло подлинные мотивы деятельности английских властей, но в те дни никто из царских дипломатов и военных даже не помышлял о предъявлении каких-либо претензий лондонскому кабинету. Необходимо было, в первую очередь, удержать эмира от вступления в войну, а практически единственным единственным средством для этого являлось сохранение тесных союзнических связей с Великобританией [15]. Летом 1916 г., когда казалось, что Афганистан действительно может поддержать Германию и Турцию и вступить в войну, Россия готова была простить английским политикам любые недомолвки и подозрения лишь бы не потерять столь важного на тот момент союзника.

Стремление укрепить партнерские отношения с английской стороной определило и последующие шаги российского правительства. В начале

сентября 1916 г. А. Грант обратил внимание Р. Лисовского на успехи турецких войск в Персии, указав, что их наступление “невыгодно отражается... на настроении афганского населения”. Более того, секретарь департамента иностранных дел Индии предупредил, что, “если туркам удастся занять Тегеран или же... проникнуть в Афганистан”, выступление последнего “явится вполне возможным” [16]. В министерстве иностранных дел России отнеслись к подобному предупреждению с большим вниманием, расценив его как просьбу прикрыть центральные районы Персии, остановив продвижение турецкой армии.

Связь между военными успехами турок и ситуацией в Афганистане была предельно ясна и русскому военному командованию. Великий князь Николай Николаевич и генерал А.Н. Куропаткин понимали, что бросок турецких войск через персидские пустыни к афганской границе пока трудно осуществим, зато победы “правоверных” на западе Персии грозят державам Антанты крупными осложнениями в Афганистане. Туркестанский генерал-губернатор считал гарантией его нейтралитета полное изгнание турок с персидской территории. Вот почему уже вскоре после обращения А. Гранта к Р. Лисовскому русский корпус генерала Н.Н. Баратова, действовавший западнее и юго-западнее Тегерана, был усилен войсками из Туркестанского военного округа. В Персию дополнительно были переброшены две стрелковых и одна кавалерийская бригады [17].

В октябре 1916 г. царское правительство продемонстрировало Лондону верность своим союзническим обязательствам и по другому поводу. В августе М. Пратап направил А.Н. Куропаткину двух посланцев - Абдул Кадыр-хана и Самшир-сингха, с просьбой обеспечить им беспрепятственный проезд через Россию в Японию. Однако оба были задержаны в Термезе, а затем, по настоянию Б.В. Штюремера, переданы английскому генеральному консулу в Мешхеде [18]. Сам М. Пратап, не зная об этом, еще дважды (20 октября и 20 ноября 1916 г.) обращался к генерал-губернатору Туркестана, прося о личной встрече и разрешении проследовать через Россию в Китай.

Судя по всему, он по-прежнему стремился настроить российское военно-политическое руководство против Великобритании, или, по крайней мере, вызвать серьезные разногласия между союзниками. Во-первых, проникнуть в Китай М. Пратап мог и без помощи российской администрации, как это сделал чуть раньше В. фон Хентиг (в июне 1916 г. он перешел афганскую границу и к тому времени уже находился в Яркенде), но индийцу важно было получить помошь именно от России, и тогда все выглядело бы так, будто царские власти поддерживают врагов британской короны. Во-вторых, М. Пратап писал, что готов остаться в России на положении военнопленного или интернированного при условии, что не будет выдан англичанам. Это тоже был тонко рассчитанный ход. Британские власти, безусловно, восприняли бы его пребывание в России как недружественный акт со стороны Петрограда. В-третьих, М. Пратап убеждал А.Н. Куропаткина, как и ранее Ф.В. Мартсона, что подлинные интересы России и Индии совпадают. “Если бы какое либо высокопоставленное должностное лицо в России выслушало меня и познакомилось бы с моими доводами, он, по крайней мере, согласился бы со мной”, - написал М. Пратап [19].

Однако такого человека не нашлось во всей империи. Царское правительство, опасаясь осложнения отношений с Англией, отказалось от каких-либо контактов со столь настойчивым просителем. Ответил М. Пратапу не А.Н. Куропаткин, а командир 31-й Аму-Дарьинской бригады пограничной стражи. В его послании было сказано, что “ввиду... тесной дружбы и... союза между Россией и Англией”, командующий Туркестанским военным округом “никакого ответа на письмо от 20 ноября с.г. дать не может” и “просит прекратить дальнейшую переписку” [20].

Ставка, сделанная Россией на Великобританию, вновь оказалась выигрышной. Летом и осенью 1916 г. английское правительство приложило максимум усилий для сохранения Афганистаном нейтралитета. Вмешательство вице-короля расстроило все планы немцев, австрийцев и турок по организации восстания военнопленных в русском Туркестане. Эмиру были предъявлены

решительные требования прекратить всякие контакты с иностранцами, представлявшими державы Тройственного союза, и приостановлена на время выплата денежной субсидии [21]. В ответ Хабибулла-хан изолировал Э. Рыбичку, Руланда, Шрайнера и Клоцнера, которые готовились к переходу российской границы. Репрессиям подверглись также брат и сыновья эмира. Насрулла-хан лишился права управления государственной казной, а Инаятулла-хан и Аманулла-хан оказались в опале [22].

Чтобы окончательно склонить афганского правителя на свою сторону, новый вице-король - Ф. Челмсфорд - пошел на беспрецедентные уступки.

В Кабул была направлена дипломатическая миссия для заключения полномасштабного соглашения между Англией и Афганистаном. Переговоры велись в обстановке строгой секретности. Хабибулла-хан, видимо, понял, что настал его звездный час и потому был крайне неуступчив. Британские обещания увеличить ежегодную субсидию уже не интересовали его, эмир требовал большего – официального признания внешнеполитической самостоятельности. В итоге стороны договорились, что при условии дальнейшего соблюдения Афганистаном нейтралитета, “его независимость будет обязательно признана после окончания войны” [23].

Англо-индийские власти теперь могли со значительно большей уверенностью полагаться на Хабибуллу-хана, однако абсолютных гарантий его лояльности они по-прежнему не имели. Положение эмира было довольно шатким. Насрулла-хан и Аманулла-хан пользовались в народе огромной популярностью, а, попав в опалу, стали еще авторитетнее. Германо-турецкая пропаганда велась открыто. Эмиссары султана вновь и вновь приезжали в Кабул, призывая Хабибуллу-хана вступить в войну [24]. И хотя он уверял вице-короля в том, что ему удастся сохранить нейтралитет, Ф. Челмсфорд, как и его предшественник Ч. Гардинг, опасался, что эмир не устоит в случае сильного давления [25].

Так и произошло в действительности. Осенью 1916 г. Хабибулла-хан направил своего представителя в Персию для продолжения переговоров с

германскими представителями. Возможно, он действительно уступил требованиям Насруллы-хана и Амануллы-хана, а, может быть, лишь сделал вид, что действует по принуждению.

Предложение от Германии и Турции о возобновлении контактов поступило примерно в конце августа [26]. Неизвестно, что конкретно было предложено Афганистану, но Насрулла-хан и Аманулла-хан заявили эмиру о готовности лично договориться с представителями центральных держав о дальнейшем сотрудничестве. Хотя все подробности происходившего держались в строгом секрете, кое-какая информация все же вышла за пределы узкого круга посвященных лиц. К примеру, военные власти Мазари-Шарифа в конце 1916 г. были убеждены, что брат и сын Хабибуллы-хана, получив его согласие, “отправились в Турцию для... переговоров” [27]. На самом же деле посланником эмира стал губернатор Шибаргана (город на севере Афганистана) Абдул Меджид-хан [28]. Впрочем, какая-то тайная интрига здесь все же присутствовала. Не случайно в начале декабря 1916 г. в штаб генерала Н.Н. Баратова поступили данные о прибытии в Хамадан для заключения договора с Турцией не просто представителей афганского эмира, а именно Насруллы-хана и Амануллы-хана [29].

Однако ни в Петрограде, ни в Лондоне это известие не приняли всерьез. В.О. Клемм телеграфировал российскому послу в Тегеране, что подобные сведения “представляются весьма неправдоподобными” [30], а английские власти уверенно заявили, что “брать эмира и три его сына находятся... в Кабуле и не имеют намерения выехать из Афганистана” [31]. А. Грант полагал, что речь в данном случае может идти лишь о “посылке второстепенных агентов, умышленно раздуваемой турками” [32]. Очевидно, союзники, особенно англичане, уже привыкли к появлению в Персии разного рода курьеров из Афганистана и реагировали, поэтому, весьма спокойно. Но на этот раз они ошиблись. Абдул Меджид-хан проследовал через Хамадан в Керманшах, чтобы действительно обсудить с представителями Германии и Турции перспективы сотрудничества в новых условиях.

Подписанный 24 января 1916 г. германо-афганский прелиминарный договор оставался на бумаге. Кайзеровское правительство не выполнило взятых обязательств. Теперь О. Нидермайер, участвовавший в переговорах с германской стороны, предложил Абдул Меджид-хану заключить новое соглашение - о дружбе и установлении дипломатических отношений. Однако такой вариант не устраивал афганскую сторону, поскольку ничего принципиально нового ей не давал, более того Афганистан не мог даже рассчитывать на военную помощь со стороны Германии и Турции в случае конфликта с Англией или Россией. Они обязательно отреагировали бы на открытие в Кабуле германского посольства, и тогда эмиру пришлось бы полагаться только на свои силы. Понимая это, Абдул Меджид-хан заявил, что Германия, стремясь нанести как можно больший ущерб своим противникам, забывает об интересах и безопасности Афганистана, что ей нужна только “большая бомба под названием Афганистан” [33].

Он отказался подписывать предложенное соглашение, отметив, правда, что немецкое командование по-прежнему может рассчитывать на поддержку армии эмира в случае приближения германо-турецких войск к границам Афганистана. “Если только они... займут Исфахан и Йезд, афганцы встретят их в Кермане”, - обещал посланец Хабибуллы-хана [34].

В декабре 1916 г. кабульские власти, видимо, еще допускали такую возможность, но вскоре они стали рассуждать иначе. В январе 1917 г. российские и британские части перешли в наступление в Западной Персии и Месопотамии. К концу марта сопротивление турок было полностью сломлено. Англичане вступили в Багдад, а корпус генерала Н.Н. Баратова занял Хамадан, Керманшах и Ханекин. Между союзными войсками удалось установить непосредственную связь. Вскоре они нанесли еще один удар - общим направлением на Мосул. В этих условиях германо-афгано-турецкие переговоры были перенесены в Константинополь, где еще продолжались какое-то время, однако их исход был уже предрешен. Абдул Меджид-хан твердо отказался подписывать предложенный немцами договор и возвратился в Кабул [35].

Тем временем политическое будущее Афганистана стало предметом широкого обсуждения в российских дипломатических кругах. 14 ноября 1916 г. генеральный консул в Смирне А.Д. Калмыков направил начальнику II Политического отдела МИД А.М. Петряеву письмо с предложением о постройке рельсового пути через Афганистан в направлении Кушка - Герат - Кветта. Все работы он считал возможным провести в течение одного - двух лет. Для этого, по его словам, “в Индии есть запас рельсов и подвижного состава... и 300 млн. населения, почти не несущего воинской повинности” [36]. Введение дороги в строй, писал он, позволит России “получать из Индии хину, чай, кофе, каучук, хлопок и боевые припасы” [37].

Министр иностранных дел Н.Н. Покровский, признав мысль А.Д. Калмыкова “вполне правильной”, решил, что настал момент для пересмотра всей системы российско-британских отношений по Афганистану, и предложил Николаю II начать соответствующие переговоры с Лондоном еще до окончания войны. По его мнению, следовало вернуться к проекту, обсуждавшемуся в Петербурге в мае 1914 г., когда Россия добивалась от Англии компенсаций за изменение тибетской конвенции 1907 г. “Вопрос об упорядочении наших взаимных отношений с Афганистаном и об обеспечении наших интересов в северной части этого Ханства имеет для нас столь существенное значение, что оставлять его в... неопределенном положении никак нельзя”, - писал Н.Н. Покровский царю [38].

Он считал, что позиция Петрограда встретит полное понимание британского кабинета, ибо за годы войны все поняли, какую опасность представляет Афганистан. Прием эмиром германо-турецких эмиссаров и его переговоры с ними, пребывание в Кабуле индийских революционеров “вроде известного Пратапа”, - все это, по мнению нового российского министра иностранных дел, должно было заставить англичан отказаться от “такого анахронизма как совершенно замкнутый Афганистан”, и покончить с политикой “невмешательства в афганские дела” [39].

Взгляды Н.Н. Покровского относительно возможных путей решения афганского вопроса полностью разделяли и российские дипломаты в Лондоне и Калькутте. Преемник Р.А. Лисовского - В.В. Томановский - придавал большое значение выработке нового англо-русского соглашения по Афганистану, считая, что только так можно “устранить всякие недоразумения... между обоими империями... на Среднем Востоке” и, главное, “умиротворить” этот регион. Он был настроен даже решительнее самого министра иностранных дел. Называя Афганистан “последним оплотом азиатского самоуправления и произвола”, “очагом всяких смут и волнений”, генконсул в Калькутте призывал “уничтожить” его в таком качестве [40].

Однако царский кабинет не успел предпринять каких-либо официальных шагов с целью пересмотра действовавшей на тот момент афганской конвенции 1907 г. 17 февраля (2 марта н. ст.) В.В. Томановский телеграфировал в Петроград, что только “ближайшее будущее” покажет, каким будет новое соглашение, что союзникам еще нужно “внушить”, что “пора отказаться от... “эфемерной” мысли создать государство - буфер”, а в этот день Николай II отрекся от престола, и к власти в России пришло Временное правительство. На выгодное решение афганского вопроса в ходе войны его министры уже не рассчитывали [41].

Как оценили русскую революцию в Афганистане? Что ждали его правящие круги от новой российской администрации? По свидетельству Л.Н. Скурата, к тому времени уже военного агента в Персии, “о русской свободе” говорили много, но “сущности совершившегося переворота” не понимали “даже крупные чиновники и офицеры, близко стоящие к центральной власти”. Они не могли представить, “насколько это хорошо или дурно” для дальнейшего развития российско-афганских отношений [42]. Вместе с тем, Л.Н. Скурат признавал, что дестабилизация внутриполитической обстановки в России негативно влияет на развитие общественных настроений в Афганистане. Факты, рисующие истинное положение дел в бывшей империи, - “расстройство снабжения, путей сообщения, тыла, массовое дезертирство, земельные неурядицы” - подрывают

здесь веру в силу и могущество северного соседа. На эту тенденцию Л.Н. Скурат обращал особое внимание, видя в ней угрозу войны. “Не надо забывать, - писал он начальнику ГУГШ, - что единственno, что удерживает Афганистан от выступления против нас - это благоразумие Хабибулла-хана..., продиктованное привычным страхом перед своими... соседями, и в тот момент, когда этот спасительный страх рассеется, нам придется стать лицом к лицу с армией эмира” [43].

Дополнительную тревогу российским властям внушали сведения о направлении в Афганистан новой германо-турецкой миссии. Первая информация об этом поступила в Петроград в начале апреля, и вскоре на афгано-персидской границе были приняты необходимые меры для ее задержания. Однако германо-турецкие эмиссары вновь проникли в Афганистан. Не исключено, что основная их группа, вопреки всем ожиданиям, двигалась по территории России, а не Персии [44].

Это была последняя попытка Германии и Турции втянуть Афганистан в боевые действия, но закончилась она также безрезультатно, как и все предыдущие. Победы держав Антанты уже почти не оставляли сомнений относительно итогов войны, и Хабибулла-хан предпочел спокойно дождаться ее окончания, чем ввязываться в сомнительные авантюры. По словам Л. Адамека, “поражение турок в Месопотамии заставило и протурецкую партию [в Кабуле - К.С.] расстаться с надеждами на выступление против Индии” [45]. Перемены в позиции афганского руководства были столь значительны, что в декабре 1917 г. Афганистан покинула последняя, значительная по численности, группа германских и турецких офицеров во главе с Вагнером и Казем-беем [46].

Таким образом, к концу 1917 г. эмир окончательно избрал курс выгодный Англии и России. Британская сторона была особенно удовлетворена его политикой в зоне пуштунских племен. Ф. Челмсфорд еще в апреле негласно договорился с Хабибуллой-ханом о “минимизации... пограничных беспорядков” [47]. В результате восставшие вазиры не получили помощи от

Афганистана и в мае потерпели поражение [48]. Очень быстро удалось урегулировать конфликт с масудами. Эмир попросил вице-короля “наказать их, но очень мягко”, а самих масудов убедил в том, что “правительство Индии обязалось не предпринимать против них каких-либо наступательных операций” [49]. После этого обстановка в полосе племен долгое время оставалась относительно спокойной.

В России тем временем к власти пришло большевистское правительство, которое полностью отказалось от внешней политики предшественников, заключив 2 марта 1918 г. сепаратный мир с Германией. Великобритания лишилась наиболее важного союзника, и теперь перед ней вновь обозначилась опасность войны с Афганистаном. Хабибулла-хан мог, уже не опасаясь удара с севера, потребовать признания независимости своего государства. Вице-король, предвидя такую возможность, приказал увеличить численность британских войск на индо-афганской и афгано-персидской границах. Весной 1918 г. в Сеистан были переброшены части из Месопотамии, новые соединения формировались и в самой Индии [50].

К лету 1918 г. значительных успехов в Закавказье и на северо-западе Персии вновь добились турецкие войска. В их руках оказались Батуми, Баку и Тебриз. Как писал английский исследователь П. Гуинн, необходимо было “остановить их наступление через Закаспий в Афганистан и далее” [51]. С этой целью из Персии в туркменские пустыни был переброшен отряд генерал-майора В. Маллесона (Хемпширский полк, 28-й кавалерийский полк, 19-й Пенджабский батальон, 44-я батарея полевой артиллерии). Перед ним стояла задача “установить контроль, а, если возникнет необходимость, то разрушить железную дорогу от Красноводска на восток” [52]. Иначе говоря, на северо-западных подступах к Афганистану теперь тоже встали английские войска. Получить помочь извне в случае конфликта с Великобританией эмиру теперь было бы очень трудно.

Столь оперативные действия британских военных, несомненно, сыграли свою роль. Вплоть до окончания войны Хабибулла-хан сохранял нейтралитет

[53]. Он искренне верил, что после победы Антанты его “скромные” услуги не будут забыты. “Я тот человек, который позволил Индии отослать ее армии воевать во Францию, Европу и Египет”, - говорил эмир [54].

В середине декабря 1918 г. в Кабуле состоялся дурбар с участием представителей всех провинций и племен Афганистана. Хабибулла-хан заявил, что потребует от вице-короля Индии права участия афганских делегатов в работе мирной конференции по итогам войны [55]. Сайфулла-хан немедленно доложил об этом Ф. Челмсфорду.

Англо-индийские и лондонские власти разошлись во мнении относительно послевоенного статуса Афганистана. Было ясно, что эмир добивается международного признания афганской независимости. Министр по делам Индии Э. Монтегю полностью отвергал такой вариант и настаивал на сохранении полного британского контроля над внешней политикой Афганистана. Вице-король, следуя рекомендациям своего Совета, допускал возможность провозглашения независимости афганского государства при условии, что эмир предоставит Великобритании права “наиболее благоприятствующей нации” [56]. Пока вырабатывалось окончательное решение Парижская мирная конференция начала работу (18 января 1919 г.).

Не зная об этом, Хабибулла-хан 2 февраля лично обратился к Ф. Челмсфорду, требуя, чтобы Афганистан был представлен на ней. Он писал, что будет удовлетворен, если его представитель вернется с документом, “подтверждающим независимость и полную свободу действий афганского правительства” [57]. Получить ответ эмир не успел. В ночь с 20 на 21 февраля он был убит в результате покушения. Его курс, нацеленный на восстановление афганского суверенитета мирными средствами, не вступая в открытое противоборство с Англией, оказался проигрышным.

19 февраля Э. Монтегю направил Ф. Челмсфорду итоговый текст ответного письма эмиру, в котором говорилось, что участвовать в работе мирной конференции могут только воевавшие державы, а, следовательно, представлять интересы Афганистана в Париже будет Великобритания. В

другом послании, адресованном уже лично вице-королю, министр по делам Индии ставил задачу “не допустить “открытия” Афганистана для иностранных держав”, используя для этого все средства вплоть до “прямого военного вмешательства” в его дела. “Чтобы обеспечить безопасность нашей индийской границы, мы должны быть готовы... оккупировать Кандагар и даже Кабул”, - писал Э. Монтею [58].

Таким образом, окончание Первой мировой войны не принесло Афганистану независимости. Главный элемент стратегии эмира - нейтралитет - позволил сохранить территориальную целостность страны, но проводить самостоятельную политику кабульские власти все еще не могли. В условиях, когда Россия утратила прежние позиции на Среднем Востоке, Великобритания рассчитывала занять ее место, прочно закрепив Афганистан за собой. Лишь в августе 1919 г. после третьей англо-афганской войны наследник Хабибуллы-хана - Аманулла-хан - добился восстановления суверенитета афганского государства.

Заключение

Царские власти, подписав с Англией конвенцию по делам Афганистана в 1907 г., могли праздновать политическую победу. Они получили от британского правительства почти все, чего добивались. Однако в Петербурге не учли, или не пожелали учесть, того, что, связав с согласием эмира, вступление соглашения в силу, Россия, тем самым, поставила под вопрос реализацию своего успеха на переговорах. Министр иностранных дел А.П. Извольский и его советники переоценили силу английского влияния в Афганистане, сделав ставку именно на возможность Лондона и Калькутты склонить эмира к принятию условий англо-русского договора.

Реально же возможности Англии управлять развитием ситуации во владениях эмира были крайне малы, это была по сути дела лишь видимость контроля, а на самом деле очень многое зависело от доброй воли самого кабульского правителя, и британские власти готовы были платить любую цену за возможность избежать столкновения с ним.

В 1907 г. царское правительство оставило без внимания и подлинные интересы эмира, который вовсе не стремился к распространению иностранного влияния в своей стране. В Петербурге сочли, что одно лишь обращение к Хабибулле-хану, одна лишь просьба согласиться с условиями конвенции, убедят его в искренности намерений России и Великобритании, докажут их стремление относиться к нему как к субъекту международного права.

Таким образом, неверная оценка ситуации в Афганистане и ошибочный взгляд на характер англо-афганских отношений, привели царское правительство к выдвижению условий, которые не могли быть приняты в Кабуле.

Британские власти ошибались, не менее российских. На переговорах они сделали все возможное, чтобы положения конвенции удовлетворили эмира, но не учли того, что любые попытки соседних держав добиться каких бы то ни

было преимуществ в Афганистане, станут рассматриваться кабульским правителем как угроза независимости и территориальной целостности его владений.

Первая мировая война изменила роль Афганистана в международных делах. Помимо Великобритании и России, активно влиять на политику Кабула теперь стремились еще Германия и Турция. Им Афганистан был нужен как плацдарм против держав Антанты в Азии.

В октябре 1915 г. к эмиру прибыла германо-турецкая военно-дипломатическая миссия О. Нидермайера и В. фон Хентига. Перед ней стояла задача вовлечь Афганистан в боевые действия против Англии и России, но Хабибулла-хан предпочел сохранить нейтралитет. Поддержать центральные державы он готов был лишь при полной уверенности в успехе. Пребывание же посланцев кайзера в Кабуле эмир использовал для получения важных уступок от англо-индийского правительства, добиваясь, в конечном счете, получения полного государственного суверенитета. Денежная субсидия ему была увеличена за годы войны с 16 до 24 лакхов рупий, кроме того британские власти обещали предоставить Афганистану политическую самостоятельность.

Российские власти, стремясь удержать эмира от вступления в войну, главную ставку вновь сделали на политический союз с Великобританией. Только так, по мнению царских военных и дипломатов, можно было добиться желаемого успеха. Опасаясь осложнения отношений с Англией, они отказались от каких-либо контактов с индийским националистом М. Пратапом, предлагавшим Николаю II поддержать Германию и Турцию. В конце 1916 - начале 1917 г. российский кабинет планировал закрепить партнерские отношения с Лондоном, договорившись о разделе Афганистана на сферы влияния и проложив по его территории железную дорогу, которая связала бы русский Туркестан с Британской Индией.

Хабибулла-хан отказался он от контактов с Германией и Турцией, только когда понял неизбежность победы держав Антанты. Однако ответной “благодарности” от англичан, несмотря на все обещания, не последовало.

Британское правительство в годы войны по-прежнему считало Афганистан сферой своих исключительных интересов, а потому стремилось не допустить усиления здесь как германского, так и русского влияния. Лондон и Петроград долгое время не могли скординировать свои действия в афганском вопросе, что в немалой степени способствовало успеху агентов Германии и Турции. К концу 1918 г., когда Россия почти утратила свои позиции в регионе, английское руководство рассчитывало, воспользовавшись этим, прочно закрепить Афганистан за собой.

Примечания

Глава 1.

Афганский вопрос на российско-британских переговорах о разделе сфер влияния в Азии (1905-1907 гг.)

1. Силин А.С. Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны (1908-1914). М.: Наука, 1976, с. 170. См. также: Gillard D. Struggle for Asia. 1828-1914. L.: Methuen, 1977, p. 177.
2. Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1979, с. 203.
3. Остальцева А.Ф. Англо-русское соглашение 1907 г. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1977, с. 162.
4. Там же, с. 169.
5. Журнал заседания Особого совещания по афганскому вопросу 14 апреля 1907 г. // Красный архив, 1935, т. 2-3 (69-70), с. 26.
6. Trevelyan G.M. Grey of Fallodon - Life of Sir Edward Grey. L.: Longmans, Green & Co, 1937, p. 111.
7. Grey E. Twenty - Five Years. 1892 - 1916. L.: Hodder & Stoughton , 1925, vol. 1, p. 153.
8. Adamec L. W. Afghanistan. 1900-1923. A Diplomatic History. Los Angeles: University of California Press, 1965, p. 67.
9. Ibidem.
10. Новое время, 1 апреля 1906 г.
11. The Times Weekly Edition, 1906, March 16, May 25.
12. British Documents on the Origin of the War. 1898-1914. Vol. 4. N.Y: Jonson Reprint, 1967, p. 522.
13. Ibidem, p. 523.
14. Ibidem, p. 523-524.
15. Ibidem, p. 523.
16. Ibidem, p. 525.
17. Ibidem.
18. Английское сообщение 11 февраля 1907 г. // Архив внешней политики Российской Империи (далее – АВПРИ), ф. 147, оп. 486, д. 232, л. 14.
19. Там же, л. 41; British Documents on the Origin of the War, p. 527.
20. Ibidem, p. 528.
21. Ibidem, p. 530-531.
22. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 232, л. 46.
23. Там же, л. 47.
24. Красный архив, с. 29.
25. Там же.
26. Там же, с. 30.
27. Там же.
28. Там же, с. 31.
29. British Documents on the Origin of the War, p. 534.
30. Ibidem, p. 533-535.
31. Singhal D.P. India and Afghanistan. 1876-1907. A Study in Diplomatic Relations. Queensland: University of Queensland, 1963, p. 175.
32. Adamec L.W. Op. cit., p. 69.
33. Ibidem.
34. British Documents on the Origin of the War, p. 536.
35. Ibidem, p. 540-541.

36. Ibidem, p. 536.
37. Ibidem, p. 539.
38. British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Series A: Russia, 1859-1914, vol. 5. 1907-1909. Washington: University Publication of America, 1983, p. 79.
39. British Documents on the Origin of the War, p. 545.
40. Ibidem.
41. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 232, л. 85.
42. British Documents on the Origin of the War, p. 548.
43. Ibidem.
44. Ibidem, p. 549.
45. Ibidem.
46. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 232, л. 84.
47. Там же, л. 110.
48. Там же, л. 98.
49. British Documents on the Origin of the War, p. 549.
50. Ibidem, p. 550.
51. Ibidem, p. 550-551.
52. Ibidem, p. 552.
53. А.П. Извольский согласился с данным положением британского контрпроекта в обмен на обязательство английской стороны не изменять политический статус Афганистана. См. подробнее: АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 232, л. 132.
54. British Documents on the Origin of the War, p. 555.
55. А.П. Извольский особенно настаивал на этом условии, полагая, что, тем самым, Россия и Великобритания получили бы примерно равные шансы на реализацию своих планов. Кроме того, по мнению министра, вообще было бы "нежелательно обходить молчанием права эмира", дабы не допустить низведения его "на ранг несуверенного правителя" См. подробнее: АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 232, л. 132.
56. British Documents on the Origin of the War, p. 555-556.
57. Ibidem, p. 554.
58. Ibidem, p. 557.
59. Ibidem.
60. Ibidem, p. 559-560.
61. Ibidem, p. 563.
62. Ibidem, p. 560, 562.
63. "Я не могу не признать важности сделанных Англией уступок", - доложил министр иностранных дел премьеру П.А. Столыпину 22 августа 1907 г. См. подробнее: АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 232, л. 200.
64. British Documents on the Origin of the War, p. 566.
65. Ibidem, p. 567.
66. Ibidem, p. 563, 567.
67. British Documents on Foreign Affairs. Series A, vol. 5, p. 80.
68. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 232, л. 229.
69. British Documents on the Origin of the War, p. 564-565, 567.
70. Ibidem, p. 568.
71. Ibidem, p. 565.
72. Ibidem, p. 571.
73. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 232, л. 322.
74. Сборник договоров России с другими государствами (1856-1917). М.: Государственное издательство политической литературы, 1952, с. 181.
75. Tripathi G.P. Indo-Afghan Relations. 1882-1907. New Delhi: Kumar Brothers, 1973, p. 168.
76. Ibidem.

77. Hardinge C. My Indian Years: 1910–1916. L.: John Murray, 1947, p. 31.
78. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 232, л. 363.
79. The Parliamentary Debates (Authorized Edition), Fourth Series. Third Session of the Twenty - Eighth Parliament of Great Britain and Ireland. L., 1908, vol. 183, col. 15, 1328.
80. Ibidem, col. 1017-1019.
81. Ibidem, col. 126; Ibidem, vol. 184, col. 554-555.
82. Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж: Книгоиздательство Е. Сияльской, 1927, с. 27.

Глава 2.

Афганистан во внешней политике России (1907-1914 гг.)

1. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 232, л. 379.
2. British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Series A: Russia, 1859 – 1914, vol. 6, 1910-1914. Washington: University Publication of America, 1983, p. 116.
3. АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 750, л. 106.
4. Там же, л. 106-107.
5. Там же, л. 107.
6. Там же.
7. АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 32, л. 18.
8. Штаб Туркестанского военного округа. Сводка сведений о сопредельных странах, добывших разведкой с 1 мая по 1 июня 1911 г. Ташкент, 1911, №5, с. 2.
9. АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 753, л. 55.
10. Там же, л. 46.
11. Штаб Туркестанского военного округа. Сводка сведений о сопредельных странах, добывших разведкой, январь 1911 г. Ташкент, 1911, № 1, с. 9.
12. АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 752, л. 4-6.
13. Штаб Туркестанского военного округа. Сводка сведений о сопредельных странах, добывших разведкой, январь 1911 г., с. 8.
14. АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 349, л. 2.
15. Там же, оп. 486, д. 235, л. 24-26.
16. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительства. 1878-1917. Серия II. 1900-1913, т. 20, ч. 2. М.-Л.: Госполитиздат, 1940, с. 461.
17. British Documents on Foreign Affairs, vol. 6, p. 310.
18. Ibidem, p. 308.
19. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 235, л. 22-23.
20. Там же, л. 32.
21. British Documents on Foreign Affairs, vol. 6, p. 310, 319.
22. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 237, л. 1-2.
23. Там же, л. 5.
24. Там же, л. 3.
25. Там же, л. 3-4.
26. Там же, л. 8.
27. Там же, д. 235, л. 34.
28. Там же, л. 51.
29. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительства. 1878-1917. Серия III. 1914-1917, т. 3. М.-Л.: Соцэкиз, 1933, с. 242.
30. Панин С.Б. Россия и Афганистан. 1905-1918. Иркутск: ИГПИ, 1995, с. 6.
31. Панин С. Б. Афганистан в политике России накануне первой мировой войны // СССР и страны Востока. Иркутск: ИГПИ, 1990, с. 40-54.

32. Там же, с. 54.

Глава 3.

Англо-русские разногласия по афганскому вопросу и проникновение германо-турецких агентов в Афганистан (1914-1915 гг.)

1. Stewart R.T. Fire in Afghanistan. 1914-1929. N.Y.: Garden City, 1973. p. 7.
2. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 345, л. 15.
3. Там же, оп. 485, д. 755, л. 142.
4. Там же, оп. 486, д. 345, л. 4.
5. Там же, л. 6.
6. Там же, л. 9.
7. Там же, оп. 485, д. 755, л. 147, 148.
8. Там же, оп. 486, д. 345, л. 16.
9. Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительства (1878 – 1917). Серия III: 1914-1917, т. 6, ч. 2. М.-Л.: Соцэкиз, 1935, с. 306.
10. АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 755, л. 153.
11. Там же, оп. 486, д. 345, л. 12.
12. Там же, оп. 485, д. 755, л. 154.
13. Международные отношения в эпоху империализма... Серия III: 1914-1917, т. 6, ч. 2, с. 17.
14. Там же, с. 303.
15. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 345, л. 25, 36.
16. Там же, оп. 485, д. 755, л. 170-171.
17. Там же, оп. 486, д. 345, л. 34.
18. Там же, л. 38.
19. Hardinge C. Op. cit., p. 131-132.
20. Синяя книга. Сборник тайных документов, извлеченных из архива бывшего Министерства иностранных дел. М.: НКИД, 1918, с. 36-37, 45, 52.
21. Hardinge C. Op. cit., p. 100.
22. Ibidem, p. 107.
23. Ibidem, p. 100.
24. Синяя книга..., с. 32.
25. Adamec L.W. Op. cit., p. 84.
26. Хотеев П.И. Германо-афганские переговоры 1915-1916 гг. // Ученые записки ЛГУ. № 395. Вып. 20. Востоковедение. Л.: Издательство ЛГУ, 1977, с. 165.
27. Adamec L.W. Op. cit., p. 85.
28. Pratap M. My Life Story of Fifty - Five Years. Dehradun: World Federation, 1947, p. 43.
29. Ibidem, p. 44.
30. Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительства (1878 – 1917). Серия III: 1914-1917, т. 8, ч. 1. М.-Л.: Соцэкиз, 1935, с. 260.
31. Там же, с. 319-320.
32. АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 91, л. 140.
33. Там же, л. 21.
34. Международные отношения в эпоху империализма. Серия III: 1914-1917, т. 8, ч. 1, с. 260.
35. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 345, л. 51.

36. Международные отношения в эпоху империализма. Серия III: 1914-1917, т. 8, ч. 1, с. 456.
37. АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 91, л. 33.
38. Там же, ф. 147, оп. 486, д. 345, л. 62.
39. Там же, ф. 194, оп. 528/2, д. 91, л. 28.
40. Там же, л. 125.
41. Там же, л. 40.
42. Там же, л. 123.
43. Там же, л. 124.
44. Там же, л. 38.
45. Там же, л. 118.
46. Там же, л. 62.
47. Там же, л. 191.
48. Там же, л. 111.
49. Там же, л. 172.

Глава 4.

Германская миссия в Афганистане в годы Первой мировой войны

1. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 345, л. 79.
2. Там же.
3. Там же.
4. Набоков К.Д. Испытания дипломата. Стокгольм: Северные огни, 1923, с. 18.
5. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 345, л. 79.
6. Синяя книга..., с. 64.
7. Stewart R.T. Op. cit., p. 14.
8. Ibidem, p. 15.
9. АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 91, л. 269.
10. Там же, л. 229.
11. Stewart R.T. Op. cit., p. 15.
12. Adamec L. W. Op. cit., p. 88.
13. Pratap M. Op. cit., p. 48-49.
14. Winstone H. The Illicit Adventure: The Story of Political and Military Intelligence in the Middle East from 1898 to 1926. L.: J. Cape, 1982, p. 168.
15. Pratap M. Op. cit., p. 49.
16. Adamec L. W. Op. cit., p. 89.
17. Pratap M. Op. cit., p. 50.
18. Ibidem, p. 51.
19. АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 91, л. 300.
20. Olesen A. Islam and Politics in Afghanistan. Richmond: Curzon Press, 1995, p. 105.
21. Adamec L. W. Op. cit., p. 178.
22. Ibidem, p. 93.
23. Ibidem, p. 91-92.
24. Хотеев П.И. Германо-афганские переговоры 1915-1916 гг., с. 186.
25. Там же.
26. Рыбичка Э. Бурные годы Афганистана. М.: Молодая гвардия, 1929, с. 47.
27. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 345, л. 83.
28. Adamec L. W. Op. cit., p. 179.
29. Ibidem, p. 179-180.
30. Ibidem, p. 181.
31. Ibidem.

32. АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 52, л. 43.
33. Там же, ф. 147, оп. 486, д. 345, л. 140.
34. Там же, ф. 194, оп. 528/2, д. 52, л. 69.
35. Там же, л. 52.
36. The Times Weekly Edition. 1915. November 26.
37. Hardinge C. Op. cit., p. 123.
38. Stewart Op. cit., p. 19.
39. Синяя книга..., с. 69.
40. Adamec L. W. Op. cit., p. 92.
41. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 345, л. 164.
42. Равич Н. Приподнятая завеса (Борьба в Афганистане в период империалистической войны) // Знамя, 1933, № 10, с. 139-156.
43. Тихонов Ю.Н. Обстановка на северо-западной границе Британской Индии в годы Первой мировой войны // Ученые записки Липецкого государственного педагогического института. Вып. 1. Липецк, 1997, с. 39-46; Хотеев П.И. Германо-афганские переговоры 1915-1916 гг., с. 188.
44. АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 52, л. 4.
45. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства (1878 – 1917). Серия III: 1914-1917, т. 10: 14 января – 13 апреля 1916 г. М.: Соцэкиз, 1938, с. 80-81.
46. Там же, с. 160.
47. АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 52, л. 15.
48. Pratap M. Op. cit., p. 55.
49. Русско-индийские отношения в 1900-1917 гг. Сборник архивных документов и материалов. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1999, с. 446.
50. Там же, с. 445.
51. Там же, с. 445-446.
52. Там же, с. 447-448.
53. Синяя книга..., с. 77.
54. Равич Н. Указ. соч., с. 147.
55. Русско-индийские отношения..., с. 449.
56. Хотеев П.И. Махендра Пратап в Афганистане (1915-1918 гг.) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 5. Л.: ЛГУ, 1980, с. 118-125.
57. Хотеев П.И. Германо-афганские переговоры 1915-1916 гг., с. 192.
58. Adamec L. W. Op. cit., p. 200-201.
59. Вейт Е. Афганистан. М.-Л.: Московский рабочий, 1929, с. 30.
60. Бабаходжаев М. А. Миссия Нидермайера - Гентига в Афганистане (1915-1916) // Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. Вып. 37. М.: ИВ АН СССР, 1960, с. 18-26.; Хотеев П.И. Германо-афганские переговоры 1915-1916 гг., с. 193.
61. Равич Н. Указ. соч., с. 141.
62. Dupree L. Afghanistan. Princeton: Princeton University Press, 1973, p. 434-435.
63. Fraser-Tytler W. K. Afghanistan. A Study of Political Developments in Central and Southern Asia. L.: Oxford University Press, 1950, p. 235.
64. Adamec L. W. Op. cit., p. 96.
65. Sykes P. A History of Afghanistan, vol. 2. L.: Macmillan & Co Ltd., 1940, p. 265.

Глава 5.

Великие державы и проблема политической самостоятельности Афганистана в 1916-1918 гг.

1. АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 52, л. 80.

2. Там же.
3. Рыбичка Э. Указ. соч., с.75.
4. Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив, 1929, № 3 (34), с.46.
5. Adamec L.W. Op. cit., p. 98.
6. АВПРИ, ф.147, оп. 486, д. 345, л. 180.
7. Там же, л. 173. Летом 1916 г. в Туркестан была направлена специальная комиссия Государственной Думы России. Ей предстала страшная картина. М. Чокаев, секретарь комиссии, позже писал: “Карательные экспедиции... уничтожали не только людей без различия пола и возраста, но и целые деревни и города (например, гор. Джизак)... Вооруженные русские переселенцы, при поддержке правительенных войск, буквально истребляли безоружный народ”. См.: Чокаев М. Революция в Туркестане (Февральская эпоха) // Вопросы истории, 2001, № 2, с. 10.
8. Красный архив, 1929, № 3 (34), с. 75.
9. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 345, л. 191; Там же, ф. 194, оп. 528/2, д. 52, л. 94.
10. Там же, ф. 147, оп. 486, д. 345, л. 195.
11. Там же, л. 196, 197.
12. Синяя книга..., с. 78-79.
13. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 345, л. 216.
14. Sykes P. Op. cit., vol. 2, p. 253.
15. Красный архив, 1929, № 3 (34), с. 81.
16. АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 345, л. 212.
17. Красный архив, 1929, № 3 (34), с. 81.
18. АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 52, л. 109.
19. Русско-индийские отношения..., с. 454-455.
20. Там же, с. 455.
21. Равич Н. Указ. соч., с. 151.
22. Рыбичка Э. Указ. соч., с. 77.
23. Sykes P. Op. cit., vol. 2, p. 265; Равич Н. Указ. соч., с. 152.
24. АВПРИ, ф. 147, оп.486, д. 346. л. 7, 17.
25. Там же, д. 345, л. 241.
26. Там же, д. 346, л. 17.
27. Там же, л. 7.
28. Adamec L.W. Op. cit., p. 103.
29. АВПРИ, ф. 194, оп.528/2, д. 52, л. 110, 112.
30. Там же, л. 119.
31. Там же, л. 120.
32. Там же, л. 121.
33. Adamec L.W. Op. cit., p. 103.
34. Ibidem.
35. Ibidem.
36. Железнодорожные строительные материалы действительно были сосредоточены на индо-афганской границе в районе Чамана. См. подробнее: Hardinge C. Op. cit., p. 26.
37. АВПРИ, ф.147, оп. 486, д. 235, л. 52.
38. Там же, л. 51.
39. Там же.
40. Синяя книга..., с. 115.
41. По мнению заместителя министра иностранных дел А.А. Нератова, Россия “могла компенсировать себя на Востоке” только “за счет Персии”. См. подробнее: Чокаев М. Указ. соч., с. 7.
42. АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 52, л. 235.
43. Там же, л. 207, 208.
44. Там же, ф.147, оп. 486, д. 346, л. 79.

45. Adamec L. W. Op. cit., p. 104.
46. АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 85, л. 51.
47. Там же, ф. 147, оп. 486, д. 346, л. 68.
48. Соколов - Страхов К. Афганистан в мировой войне 1914-1918 гг. // Новый Восток, 1929, кн. 26-27, с. 77.
49. Adamec L.W. Op. cit., p. 99.
50. АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 52, л. 254.
51. Guinn P. British Strategy and Politics.1914-1918. Oxford: Clarendon, 1965, p. 310.
52. Ibidem, p. 311.
53. Некоторые американские и английские авторы считают, что эмир, тем самым, упустил удобный случай для завоевания независимости. См., например: Gregorian V. The Emergence of Modern Afghanistan. Politics of Reform and Modernization. 1880 – 1946. Stanford: University Press, 1969, p. 453; Griffiths J.C. Afghanistan. Key to a Continent. L.: Rourke Pub Group, 1981, p. 47.
54. Stewart R.T. Op. cit., p. 20.
55. Adamec L.W. Op. cit., p. 104.
56. Ibidem, p. 106.
57. Miller C. Khyber. British India's North-West Frontier. N.Y.: Martin's Press, 1977, p. 313.
58. Stewart R.T. Op. cit., p. 27.

MoreBooks!
publishing

yes i want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на
www.more-books.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.get-morebooks.com

VDM Verlagsservicegesellschaft mbH

Heinrich-Böcking-Str. 6-8
D - 66121 Saarbrücken

Telefon: +49 681 3720 174
Telefax: +49 681 3720 1749

info@vdm-vsg.de
www.vdm-vsg.de

